

Обатуров Г. И.

ДОРОГИ РАТНЫЕ КРУТЫЕ

Воспоминания об участии в Великой
Отечественной войне

Геннадий Обатуров

**Дороги ратные крутые.
Воспоминания об участии
в Великой Отечественной войне**

«Издательские решения»

Обатуров Г. И.

Дороги ратные крутые. Воспоминания об участии в Великой Отечественной войне / Г. И. Обатуров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-856167-2

Воспоминания генерала армии об одном из эпизодов Великой Отечественной войны будут интересны всем тем, кто интересуется и занимается историей войны с гитлеровской коалицией, в особенности теми операциями, о которых идет речь в этой книге. Автор с максимальной точностью описывает события, опираясь не только на свою память, но и на архивные документы.

ISBN 978-5-44-856167-2

© Обатуров Г. И.
© Издательские решения

Содержание

Читателю	6
Глава первая. Боевое Крещение	7
В стороне от грозных событий	7
Дорога на фронт	16
Цена первых уроков	26
Глава вторая. Под старой Руссой	46
Рождение полка	46
В тесном взаимодействии с пехотой	50
Неосуществленный замысел	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Дороги ратные крутые Воспоминания об участии в Великой Отечественной войне

Геннадий Иванович Обатуров

*Воинам 4-го Гвардейского механизированного Сталинградского
Краснознаменного орденов Суворова и Кутузова корпуса, павшим
и живым, посвящаю.*

© Геннадий Иванович Обатуров, 2018

ISBN 978-5-4485-6167-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Читателю

Вы скажете, что с воспоминаниями я опоздал. К сожалению, это так. Пятьдесят лет прошло с тех пор, как завершилась победой Великая Отечественная война.

Многолетняя военная служба после окончания войны была настолько напряжённой, что я не нашёл времени для написания воспоминаний. В последние годы службы удалось наметить их контуры да обзавестись архивными материалами. Лишь после увольнения в отставку в 1992 году я получил возможность изложить пережитое в предлагаемой вам книге.

Если вы – читатель бескорыстный, и ваше сознание не затуманено волной сплошного очернительства истории СССР и, в частности, истории Великой Отечественной войны, то найдёте в книге описание событий, которые по прочтении не могут не обогатить ваши знания.

А для читателя, занимающегося историей войны с гитлеровской коалицией, в особенности теми операциями, о которых здесь идёт речь, найдётся в книге немало актуального.

Половину времени пребывания на фронте я воевал в механизированной бригаде. Ее организационно-штатная структура была весьма эффективной, что обусловило ее живучесть. Современная организация Сухопутных частей и соединения с ней сходна. Это значит, что опыт применения мехбригады актуален вам, читателю – офицеру мотострелковых и танковых войск.

Полезен и опыт учёта военно-технического фактора при подготовке боя и в ходе его. Мне посчастливилось вступить в войну, имея за плечами командный факультет бронетанковой академии.

То, чему я научился, в том числе и в применении вооружения и техники, было использовано в полной мере.

Изложенное выше и побудило меня выступить с воспоминаниями, пусть и запоздалыми.

И еще. Я стремился избежать односторонней, лишь положительной обрисовки людей, с которыми делил ратное бремя. Старался также с максимальной точностью описывать события, следуя документальным данным и своей памяти.

Уважаемый читатель, я готов принять вашу критику. Она, видимо, оправдана, так как не все в книге удалось описать, а язык книги не может претендовать на высокий стиль.

В заключение хочу выразить благодарность полковнику в отставке Ивану Дмитриевичу Фосту, оказавшему большую помощь в сборе архивных материалов.

15 марта 1995 г. Автор

Глава первая. Боевое Крещение

В стороне от грозных событий

Весть о войне дошла до нас, слушателей старшего курса командного факультета, Военной академии механизации и моторизации РККА, вскоре после прибытия в лагерь.

Переезд проходил ранним воскресным утром 22-го июня 1941-го года и совпал с той особой приподнятостью, которая возникает всякий раз, когда экзаменационная сессия уже позади. Подстать нашему настроению была и погода – солнечная, с редкими белыми облаками на синем небе.

В кузовах автомашин одни слушатели шутили и смеялись, другие дремали, продлевая неоконченный сон, а я мысленно был в обстановке вчерашней прогулки с женой и детьми в Лефортовском парке, что рядом с академией...

Дети резвились, играли в прятки среди деревьев да бегали по узким тропкам. Двухлетний Боря почти не сходил с рук, и много раз «примерял» мою фуражку, а за свободную руку держались то шестилетняя Люся, то четырехлетняя Галя.

– Лиза, что это сын сегодня так жметесь ко мне? – спрашивал я жену

– Не понимаешь? А когда ты с детьми вот так, два часа гулял? Больше 10-15-ти минут перед сном и то не каждый день они тебя не видят. От счастья, что папа с ними, они и жмутся к тебе.

Да, это было так: учеба почти не оставляла времени на семью...

Около полудня сигнал горниста вызвал слушателей на построение. Прибыли и старшие курсы инженерных факультетов. Необычная озабоченность на лицах начальников насторожила.

Зашумели репродукторы, и вместе с двенадцатью ударами колокола от тревожной догадки сильно забило сердце. И тут услышали слегка заикающийся голос заместителя председателя Совета Народных Комиссаров – народного комиссара иностранных дел В.М.Молотова, выступившего с заявлением Советского правительства. Сообщив о фашистской агрессии, дав политическую и моральную оценку ей, правительство призывало Красную Армию и Военно-Морской флот самоотверженно сражаться с захватчиками, а население – героическим трудом обеспечивать фронт всем необходимым. Были близки и понятны каждому из нас заключительные слова заявления: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

На состоявшемся вслед за тем митинге, все выступавшие гневно осудили коварство немецко-фашистского руководства, растоптавшего договор о ненападении между СССР и Германией. Они единодушно заявили, что слушатели и начсостав полны желания стать в ряды тех, кто сейчас сражается с врагом.

Так все мирное отошло на второй план, уступив место тревоге и думам о фронте.

– Не пройдет много времени как фашистские войска будут разгромлены, – говорил командир нашей учебной группы майор Василий Дмитриевич Глушков, участник Народно-революционной войны в Испании. – Но для возмещения потерь и новых формирований потребуются командиры. И хотя жаль, что недоучимся, но фронт теперь – самое главное.

– А что нам сейчас делать в академии? За два года мы получили достаточные для войны знания, – безапелляционно заявлял старший лейтенант Боря Шумилов. – Кому, как не нам, быть сейчас на фронте?

Да, каждый из нас хотел, возможно, скорее попасть на фронт. «Фронтовые» настроения, ослабившие интерес к учебе, были, однако, непродолжительны. Конец им положило распоря-

жение вышестоящего командования о том, чтобы в месячный срок отработать наиболее важные темы третьего курса, после чего произвести выпуск. Академия перешла на удлинённый рабочий день, и главное внимание в учебе стало уделяться практической организации слушателями боя на местности.

Программа мер, разработанных ЦК ВКП (б) и Советским правительством в целях разгрома агрессора, наиболее полно была отражена в выступлении по радио 3-го июля Председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина. Слово Сталина ассоциировалось со словом партии. Глубоко проник в сознание прозвучавший в выступлении призыв партии и правительства, не зная страха, до последней капли крови сражаться за советскую землю. Он раздался как набат и таковым сохранился в памяти.

Военкоматы наполнялись не только людьми, пришедшими по повесткам; их осаждали и добровольцы. Приведу эпизод, происшедший на одном из полевых занятий. Из группы колхозников, работавших на прополке картофеля, к нам подошла группа молодежи. Одна из девушек, поздоровавшись, спросила:

– Товарищи командиры, кто бы мог дать нам разъяснение?

– По какому вопросу? – осведомился наш тактический руководитель полковник Анатолий Семенович Лямцев.

– Мы в школе выучились на санитарок, сдали зачеты, имеем справки и значки «Готов к санитарной обороне». В военкомате просились на фронт, но нам отказали.

– А я просился на фронт красноармейцем, окончил 10 классов, «Ворошиловский стрелок», комсомолец, а меня не направляют, – перебивая девушку, заговорил юноша.

– Мы тоже комсомольцы и «Ворошиловские стрелки», – почти хором сообщили девушки. Их глаза отражали и надежду, и мольбу, и беспокойство.

– А сколько вам лет?

– Ну... семнадцать, одной – шестнадцать.

– Потому и отказывают, что нет еще восемнадцати. Подрастете, тогда и возьмут.

– Нам-то было понятно их стремление!

В начале июля, в один из воскресных дней в числе отпущенных в Москву к семьям был и я. Пригороды и столица встретили нас наклеенными на окна бумажными крестами, выключенным уличным освещением и затемненными окнами в ночное время. Люди были непривычно молчаливы и озабочены.

Случайно совпало, что приехал к нам Иван, мой младший брат, слушатель Военной академии имени М.В.Фрунзе, только что переведенный на второй курс факультета противовоздушной обороны, старший лейтенант.

– Какая удача! Думал, увижу только Лизу и малышей, но и ты оказался дома, – радостно заговорил он. – А я, вот, как и мои однокурсники, убываю в Действующую армию.

– А как Ольга, Риточка? – волнуясь, спросила Лиза.

– Я – с вокзала, только что проводил их к ее родителям за Кострому.

В свои 22 года, он отправлялся уже на вторую войну, пройдя ранее советско-финляндскую, в ходе которой был дважды ранен. При прощании мы, наверное, думали одно и то же: надолго ли расстанемся? Увидимся ли? Склонный к шутке, Ваня сказал:

– Битые, говорят, народ живучий! Обязательно увидимся и самое позднее после... победы.

Его слова сбылись. После войны, израненные и контуженные, увиделись. А в момент расставания всплыли в памяти картины из детства и юности...

Родился я 9-го января 1915-го года в деревне Малые Заречена, которая пряталась в глухих вятских лесах Нагорского района Кировской области, в ту пору, когда полыхала и ширилась первая мировая война. Отец был мобилизован и погиб на русско-австрийском фронте

в Карпатах. Матери одной пришлось растить пятерых детей и заботиться о престарелом прадеде. Естественно, что хозяйство пришло в упадок.

Мы в семье начинали выполнять сельхозработы с семи лет. Кстати сказать, в наших деревнях в то время это было нередко. При всей тяжести жизни братья и я зимой учились. Помнится, как впервые на сенокосе к старшим сестре и брату присоединился и я. Мы косили уменьшенными косами-горбушами. Подошла соседка и с удивлением и похвалой говорит:

– Батюшка бог! Настя, да у тебя уже три помощника!

– Не сглазь, Анна. Вот и ко мне пришло счастье. И... заплакала.

Было мне 11 лет, когда мать, заболев от непосильного труда, умерла. Так началась самостоятельная жизнь трех отроков и одной девочки – в единоличном хозяйстве, а с 1929-го года – в колхозе.

Учебе в семилетке помогла стипендия Наркомпроса РСФСР. Подрабатывал также на обучении молодежи грамоте, для чего организовал в своей деревне кружок по ликвидации неграмотности («ликбез»).

Словом, ранний труд и в малолетстве свалившаяся забота о себе лишили меня детских радостей.

Семилетку окончил успешно, и неожиданно выпавшим счастьем явилось направление на учебу в техникум общественного питания, входивший в систему потребкооперации и располагавшийся в Нижнем Новгороде.

В техникуме получил хорошую общеобразовательную и неплохую теоретическую и практическую подготовку по специальности. Во время учебы в нем, в 1931-м году стал комсомольцем.

Скромной стипендии хватало лишь на полмесяца. И такие, как я, кому помощи ждать было неоткуда, подрабатывали на погрузочно-разгрузочных работах в вечернее время и по воскресеньям. Этому способствовало наличие в Нижнем Новгороде двух железнодорожных станций и на реках Волге и Оке двух портов. Только трудно было это начать, так как брали артелями. В то время даже в техникумах было немало студентов в возрасте 18-20-ти лет. Естественно среди них я, 15-летний подросток, был и мал ростом и не выглядел сильным.

– Зачем ты нам нужен, пацан? Хочешь, чтобы мы на тебя работали? – говорил, отказывая в моей просьбе взять в артель ее руководитель, взрослый парень.

– Давайте возьмем парня, проверим, уж очень настырный. Может что-то и получится. Сирота, ведь, – предложил его такой же взрослый товарищ.

И на первой же выгрузке, стараясь изо всех сил, заслужил доверие и стал полноправным артельщиком.

Студенческие артели по объему выполняемых работ не уступали, пожалуй, профессиональным грузчикам; экипажи судов и железнодорожники нас ждали и приглашали. Ведь Нижний Новгород был городом студентов.

В те годы в нем осуществлялось крупное строительство, в частности, такого гиганта, как Горьковский автозавод. В нем активно участвовала, главным образом по воскресеньям, студенческая молодежь. Трудовой ее подъем и сплоченность, во главе которых стоял комсомол, были огромны. В то же время хорошо учились.

Для сведения тех современных «демократов», которые считают, что наше поколение зря прожило, сообщу, что Нижегородский автозавод через полтора года после начала строительства стал выпускать автомобили. Его главные цехи имеют длину более полкилометра и ширину 30—40 метров каждый. А ведь основной строительной «техникой» были лопата, тачка, рычаг и веревка!

В ноябре 1933 года получил диплом техника-технолога по кулинарии и назначение заведующим производством отдела общественного питания Вятского (с 1934-го года Кировского) городского рабочего кооператива, в котором в то время были сосредоточены торговля и пита-

ние всего города. Вскоре избрали не освобожденным секретарем комитета ВЛКСМ этой организации.

Сюда-то, в Киров, после окончания семилетки и переехал ко мне брат, поступив на учебу в техникум. Собственно, в деревне он оставался уже один: старший из братьев перед этим умер, а сестра вышла замуж...

Но продолжу рассказ о первых днях и неделях войны. Мы жадно следили за тем, что касалось характера боевых действий, особенно танковых войск. Читали сообщения о героических действиях наших подразделений, а со стороны противника отмечались удары танковых и моторизованных дивизий и даже моторизованных корпусов. Также редко встречались сообщения о сосредоточенных ударах нашей авиации, а вот о противнике говорилось, что он действует авиагруппами. Естественно возникал вопрос: где же наши механизированные корпуса и авиационные дивизии? Выступление Сталина лишь усилило тревогу, но не дало ответа. Мы ждали его от преподавателей, но быстро убедились, что они знают не больше нас.

Между тем драматическое развитие событий на фронте возрастало с каждым днем. Сообщения об ожесточенных боях в районе Смоленска и первый налет фашистской авиации на Москву в ночь с 21-го на 22-е июля позволили окончательно осознать, что главным для Красной Армии с самого начала отражения агрессии стало не наступление, а оборона. Оборона с целью остановить врага и выиграть время для развертывания и ввода в сражения резервов. И хотя этот и последующие налеты не причинили существенного ущерба Москве, чему, как мы убедились, наблюдая из лагеря на берегу озера Сенежского, помешала мощная противовоздушная оборона, неудачный ход оборонительных боев Красной Армии стал для нас очевидным.

Война! Невидимой гранью она разделила жизнь на два периода. Один, до 22-го июня, осознавался как радость творчества, созидания. Другой, с этого рокового дня, главенствовал в сознании как большая общенародная беда. И то, что было до него, отступило, воспринималось уже как прошлое, с которым настоящее и будущее по сложности и ответственности несоизмеримы...

23-го июля состоялся выпуск. И как бы не омрачала сознание война, все же ощущалась некоторая торжественность и радость. Радость и за себя и за тех, с кем сдружился. Это были старшие лейтенанты Михаил Пискунов, Борис Соловьев, Иван Шавров, Борис Шумилов.

И благодарили наших преподавателей и воспитателей, особенно своего тактического руководителя полковника Лямцева. Анатолий Семенович остался в памяти подлинным учителем. Мы между собой так его и называли: «учитель сказал», «учитель считает», «учитель советует». Его рекомендации и указания были для нас непреложны. Он имел опыт двух войн и прошел службу на командных и штабных должностях до механизированной бригады включительно. Конечно поздравляли и друг друга.

– С окончанием, друзья! – восклицал Борис Соловьев.

– И с окончанием, и с достижением задуманного! – в свою очередь с радостью говорил Иван Шавров.

Он напоминал эпизод из 1937-го года, во время учебы в Орловском бронетанковом училище, где мы были в одной курсантской роте: они – помощниками командиров взводов, а я – старшиной.

Вышедший тогда один из приказов Наркома обороны предоставлял лицам, окончившим училища с отличием, право выбора места службы и поступления в академии через год. Мы тогда договорились именно так окончить училище и получить право на указанные льготы. Первую мы использовали, выбрав местом службы Дальний Восток, затем воспользовались и второй, поступив через год с небольшим в академию.

Запомнились слова, с которыми к нам обратился после вручения дипломов начальник факультета генерал-майор танковых войск В. Н. Кашуба.

– Напутствия и советы не люблю. Лишь пара пожеланий. Осознайте, что вы уже не слушатели и завтра поведете людей в бой. Умело ввести подчиненных в первый бой, с малой кровью – значит занять боеспособный воинский коллектив. Это – искусство, особых рецептов не знаю, но думать об этом надо сегодня. Далее, чтоб не оробеть, быть уверенным в себе, оглянитесь на себя: вы уже не те, что были в начале учебы. Без веры в себя нет самостоятельности и твердости.

Много раз мы слушали его за восемь месяцев командования факультетом. Суровый и жесткий, строго-требовательный во всем, Владимир Нестерович, пожалуй, впервые предстал перед нами душевным, простым и непринужденным. Герой Советского Союза, командир танковой бригады во время советско-финляндской войны, известный в танковых войсках своей храбростью, лишившийся ноги в результате тяжелого ранения, он был для нас олицетворением командирской доблести.

Как-то само собой и я стал сравнивать свои знания теперешние и 1939-го года, и мысль воедино связала события шестилетней службы, о которой к месту будет сжато сказать...

Желание стать кадровым военным созрело в 1935-м году, во время работы в городе Кирове. В то время в печати и по радио широко велась агитация, призывавшая молодежь поступать в военные училища, на что она активно откликалась.

Проводил эту работу и наш комитет комсомола. Первоначальный интерес к профессии командира Красной Армии вскоре перерос в мечту. И в октябре 1935-го года добровольно, по конкурсу я поступил в Орловское бронетанковое училище.

Первой поздравила меня жена. Вскоре по приезде в Киров я познакомился с Лизой Камкиной, комсомолкой, работавшей в одной со мной организации. Выросшая в многодетной рабочей семье, в десятилетнем возрасте потерявшая мать, она с четырнадцати лет начала самостоятельную трудовую жизнь. Влекли меня к ней и ее зрелость не по годам и не всегда встречающаяся у девушек доброта, переросшие вскоре в глубокое чувство. В начале 1935-го года мы стали супругами и с тех пор вместе шагаем по жизни шестьдесят лет.

Когда я сообщил брату о своем решении пойти в училище, то он спросил:

– А в какое училище принимают с семилеткой?

– В пехотное, Ваня.

– Вот в такое училище я и пойду, ведь через месяц мне семнадцать лет. Да и на что я без тебя буду жить?

– Насчет жизни ты прав: на твою стипендию не проживешь. Но курсант должен быть уже взрослым мужчиной, сумеешь ли ты стать таким?

– Конечно сумею.

И одновременно со мной он поступил в Рязанское пехотное училище.

В армейскую жизнь я вошел легко. Занятия проходили напряженно и насыщенно, интерес к ним нарастал, так как теоретическая подготовка умело сочеталась с практическими действиями на технике, при оружии и в поле. В немалой степени это обуславливалось тем, что большинство преподавателей и лиц командного состава от командира батальона и выше имели боевой опыт.

В несложной роли курсанта, затем командира отделения пришлось быть недолго. Когда вернулся с первых курсантских каникул и представился командиру своей 1-й роты, то услышал неожиданное:

– Вам, товарищ Обатуров, надо представляться другому командиру.

Подумав, что командир роты получил новое назначение, возможно повышение, спросил:

– Товарищ капитан, вы уходите?

– Не я, а вы уходите, – прерывая вопрос, сказал он. – Приказом начальника училища вы назначены старшиной 7-й роты. Поздравляю и не сомневаюсь, что справитесь, хотя и жаль вас отпускать.

Старшинство на протяжении двух курсов позволило получить начальные командирские навыки. Будучи одновременно секретарем батальонной комсомольской организации, продолжил активную комсомольскую работу. Постоянное общение и работа под руководством партийных руководителей до армии и здесь, в училище, укрепили мысль – быть в партии. И в 1937-м году стал кандидатом в члены ВКП (б).

Наш третий курс был выпущен 1-го июня 1938-го года. И мы с Шавровым и Соловьевым были весьма рады тому, что попали в одну часть – в механизированный полк кавалерийской дивизии, переименованный затем в танковый. Каждого из восьмерых молодых лейтенантов, прибывших из двух танковых училищ, отдельно принял и определил на должности командир полка. После ряда вопросов, он в конце беседы со мной сказал:

– Опыт службы в роли старшины, диплом с отличием, спортсмен – это то, что нужно в учебном танковом эскадроне. Назначаетесь командиром взвода по подготовке командиров танков БТ-7.

Не встречая затруднений в проведении занятий с подчиненными, вскоре понял, что постановка обучения и воспитания в Орловском танковом училище были образцовыми. Не случайно уже через месяц оказались в учебном эскадроне мои товарищи Шавров и Соловьев и, таким образом, все взводы возглавили «орловцы».

Полк, как и дивизия в целом, жил и учился, находясь в повышенной боевой готовности. До беспокойной советско-манчжурской границы было всего 10 км.

Полк дал мне, молодому командиру: и первый опыт подготовки экипажей; и практику постановки огневой подготовки в масштабе полка, в роли инструктора огневого дела; и первые навыки штабной службы, в должности помощника начальника штаба полка по разведке. Но, пожалуй, наиболее существенную практику дал марш на расстояние около 500 км к району боев у озера Хасан в конце июля – начале августа того же, 1938-го года, заверченный, правда, к моменту изгнания с советской территории японских захватчиков.

Словом, хотя срок службы в полку был коротким, но поучительным.

В 1939-м году из полка было отобрано пять кандидатов для поступления на командный факультет академии механизации и моторизации РККА, в том числе лейтенанты Шавров, Соловьев и я, пользовавшиеся льготами. Все пять человек успешно прошли конкурсное «сито». И это в условиях, когда к конкурсу было допущено четыре человека на место!

В академии наряду с теоретической подготовкой немало внимания уделялось организации боя на местности. Много практических занятий и лабораторных работ проводилось по вооружению и стрельбе, вождению танков, их обслуживанию, по электро- и радиотехнике.

Случилось так, что с началом нашей учебы разразилась война в Европе, ставшая впоследствии второй мировой. Вполне понятно, что в процессе учебы определенное место занял анализ действий гитлеровских войск, особенно танковых, сравнение их организационной структуры со структурой наших танковых войск.

Вспоминается один из острых споров на семинаре в нашей учебной группе в 1940-м году, в ходе которого три слушателя, в том числе и я, выступали с рефератами.

– Как видите, немецкие танковые соединения действуют так, как это делали наши мехкорпуса на маневрах 1935-1936-го годов, – говорили одни. – Разработанная нами тактика танковых войск оказалась эффективной, ее успешно применяют немцы, а мы ликвидировали мехкорпуса. Чем развивать оперативный простор?

– Бои в Испании и советско-финляндская война убеждают, что танковые части надо иметь в стрелковых дивизиях, а для развития успеха достаточно танковых бригад, что мы сейчас и имеем, – возражал «испанец» майор Глушков.

– Армиям и фронтам без танковых корпусов не обойтись, – отстаивала свое мнение большая часть группы, к которой примыкал и я.

Эта последняя точка зрения высказывалась и большинством преподавателей. Конец спорам положило решение высшего командования вновь создать механизированные корпуса.

Политическая работа со слушателями, как нам казалось, была поставлена лучше, чем с постоянным составом. Подтверждением этому явилось отношение к советско-германскому договору о дружбе, подписанному в сентябре 1939-го года. Когда на митинге, проводившемся в связи с этим событием, один из преподавателей – военных инженеров высказал мнение, что опасность войны со стороны Германии против СССР снята, то слушатели зашумели и дружными аплодисментами встретили следующие слова выступившего затем доцента кафедры марксизма-ленинизма, одного из уважаемых педагогов.

– С подписанием договора антикоммунистическая и расистская сущность фашизма не изменилась, а война против Польши еще раз подтверждает его агрессивность. Поэтому нам надо быть бдительными и упорно готовить себя к защите Родины.

В июне 1940-го года я был принят в члены партии.

Академия дала мне рост и в спортивном отношении: дошел до первого разряда по лыжам и до второго – по спортивной гимнастике. Участвовал во всех межакадемических соревнованиях по этим видам спорта.

Вот такие события из предшествующей службы воспроизвела в тот день память...

Уже в первые сутки большинство выпускников убыли по назначению. Старшего лейтенанта Шаврова направили в Действующую армию. Фронтовыми дорогами он прошел всю войну, продвинувшись по службе до начальника штаба танкового корпуса, полковника. Сопутствовало ему и везение: он ни разу не был ранен. С 1973-го года Иван Егорович Шавров – генерал армии. К сожалению, в 1993-м году Иван Егорович в результате тяжелой болезни скончался.

Удрученными чувствовали себя, получив назначение преподавателями училищ, Борис Шумилов и Михаил Пискунов. Боря возмущался, а Миша был сдержан, но решителен.

– Приказ есть приказ. Освоюсь в училище и буду искать возможность попасть на фронт.

Свою мечту они вскоре осуществили. Михаил Степанович Пискунов с начала 1942-го добился назначения в Действующую армию, участвовал в боях на командных и штабных должностях до командира танковой бригады включительно и удостоился звания Героя Советского Союза. А Борис Александрович Шумилов разделил участь большинства наших однокурсников: он погиб в 1943-м году в одной из танковых атак. В феврале 1995 года не стало и Миши: он умер в результате инсульта.

Через три дня определилось и мое положение. Капитаны А. И. Лукшин, С. С. Харитонов и я были назначены младшими преподавателями кафедры тактики нашей академии. Неожиданным и разочаровывающим было это назначение!

– Какие мы преподаватели без боевого опыта! – с ожесточением говорил я.

– Выходит нас за отличную учебу и Сталинские стипендии наказали, – с горечью говорил Лукшин.

– Надо действовать! Пойдемте к начальнику академии, – решительно предложил Харитонов.

На приеме у начальника академии генерал-майора танковых войск Г. Н. Ковалева о нашей просьбе начал, было, докладывать Лукшин, как старший по возрасту, но генерал окинул нас строгим взглядом, встал с кресла и резко и громко сказал:

– Выполняйте приказ! Идите!

С оскорбленными чувствами мы удалились. Григорий Николаевич был вправе отказать, но должен был выслушать нас, а, может быть, и обосновать назначение. Кстати, его невнимание к людям, доходившее до бездушия, было широко известно в академии, что отрицательно сказывалось на его авторитете. Только такой начальник как он, мог в 1944-м году, при возвращении академии в Москву, оставить в Ташкенте семьи тех преподавателей, которые выбыли

из академии на фронт. И даже отказать им в выдаче справок, свидетельствовавших о том, что они имеют в Москве квартиры от академии и прописаны в них. А без таких справок проехать в Москву было невозможно. Он заселил и квартиры этих офицеров. В числе таких семей оказалась и моя.

Начальник кафедры тактики генерал-майор танковых войск Иван Прокофьевич Сухов принял нас тепло. Узнав о посещении начальника академии, он сказал:

– Понять вас нетрудно. Кому как не вам, молодым, идти в бой. Но и здесь вы нужны. Перед войной и в ее начале кафедра изрядно поредела, так как немало преподавателей получили назначения во вновь разворачиваемые мехкорпуса. А на вас войны еще хватит.

Из специфической службы на кафедре остановлюсь лишь на наиболее существенных моментах.

Здесь я впервые попал в среду прошедшего одну-две войны старшего поколения командиров, многие представители которого имели боевые награды. Робость перед ними вследствие товарищеского внимания с их стороны, проявленного с первого дня, быстро исчезла.

Старший тактический руководитель кандидат военных наук полковник И. Г. Зиберов нагружал меня постепенно и не столько рассказывал, сколько спрашивал, как я буду вести то или иное занятие и при этом ненавязчиво давал советы. Возложив параллельно с преподаванием разработку программы сокращенной подготовки инженеров-танкистов, он начал приобщать меня и к методической работе.

Напряжение в деятельности кафедры было значительным, а в августе резко возросло. Враг приближался к Москве, и было принято решение о создании обороны внутри города. Территория Москвы была разделена на секторы. Оборонный сектор №1, ориентированный фронтом на северо-восток и охватывавший территорию девяти районов столицы, делился на четыре боевых участка: три в первой линии, один – во второй. Начальником сектора был назначен начальник академии, начальником штаба – начальник кафедры тактики.

Силы боевых участков образовывались в основном за счет трех академий и девяти оперативно подчиненных истребительных батальонов, сформированных из добровольцев-коммунистов старших возрастов, многие из которых были участниками Октябрьской революции и Гражданской войны.

В штабе сектора я был направленцем на второй боевой участок и немало соприкасался с полковником Лямцевым, ставшим заместителем начальника штаба сектора.

В критические дни сентября-октября сочетание труда на предприятии, в учреждении или учебы с оборонительными работами для москвичей было естественным делом. А в ночное время к этому добавлялось дежурство на крышах домов, в готовности к сваливанию на землю сброшенных фашистской авиацией зажигательных бомб.

Вспоминается разговор полковника Лямцева с одной из женщин на Измайловском проспекте.

– Да, гражданка, траншею рыть вам досталось на мужском месте: глина да еще с гравием.

– А кому же рыть-то, как не нам? Мужики-то, ведь, все на фронте да в истребителях. Жаль, что с дочерью попеременно копаем, всего одна лопата.

– Скоро лопат прибавится, – сообщил Анатолий Семенович.

Рядом с ней вытирала пот девочка шестого-седьмого класса. Подошел мальчик с узелком.

– Мама, я подогрел и принес вам суп, – быстро проговорил он. – Вы поешьте, а я покопаю.

– Иди уроки делать. Мы с Настей поочередно копаем, поочередно и кушать будем. Уроки сделаешь – ложись, мы придем поздно.

Почти каждый для защиты Родины делал все, что мог. И только теперь, через десятки лет это осознается как самоотверженность патриотов, как массовый героизм, который в то время казался само собой разумеющимся делом.

Наступили полные тревог и душевной боли дни октября. Враг все ближе подступал к Москве. Столица перешла на осадное положение с введением комендантского часа.

В сложившейся обстановке военные академии эвакуировались из Москвы. Необходимость этой меры была понятна: рядом с фронтом нормальный учебный процесс был не возможен. Так говорил разум, но чувства у нас, молодых педагогов, в отличие от пожилых, лишь сильнее забурлили.

– В скверную историю попали мы, Сергей: фронт – к нам, а мы – в эшелон и подальше от него! – говорил я капитану Харитонову.

– Да, выходит так, что мы убегаем! Плохо подумают о нас люди, видя в эшелонах, идущих в глубокий тыл, молодых здоровых командиров, – отвечал он. – А в чем мы виноваты?

Эшелон, в котором следовала кафедра тактики, через несколько дней прибыл на место эвакуации – в город Ташкент. По пути нам воочию пришлось убедиться, что слухи об огромных масштабах эвакуации достоверны. Мы видели десятки и десятки эшелонов и поездов с людьми, заводским оборудованием, сельхозтехникой и скотом, следовавших на восток, вглубь страны. А навстречу им шло такое же количество эшелонов с войсками. И все это совершалось планоно, без анархии и паники, с железной настойчивостью и дисциплиной.

Академия близ города Чирчика получила территорию для лагеря и полевых занятий. Пришлось заново разработать все тактические задачи, проводимые на местности. Напряженная работа была выполнена в срок.

Многю разрабатывались две задачи батальонного масштаба. После проверки полковник Зиберов пригласил меня на доклад к начальнику кафедры. Утвердив замыслы и планы задач без существенных замечаний, генерал Сухов сказал:

– Поздравляю вас, товарищ Обатуров, с завершением становления в должности. Как и должно быть в военное время, вы на это затратили половину положенного срока.

Успешное контрнаступление под Москвой вызвало в коллективе академии энтузиазм. Все ожили, повеселели. А нас троих не покидало чувство неудовлетворенности. Мы не могли мириться, что находимся в стороне от боевых действий. В то же время наши просьбы, поддерживаемые уже кафедрой, начальник академии не удовлетворял.

Естественно, что начали искать «обходной» путь. Обратились с письмом к бывшему заместителю по политической части начальника факультета, являвшемуся уже военкомом одного из управлений Главного автобронетанкового управления полковому комиссару Н. А. Колесову. Николай Андреевич поддержал нашу просьбу перед управлением кадров АБТВ. И вот в начале марта 1942-го года убыли капитаны Лукшин и Харитонов.

– Друзья! – волнуясь при прощании, говорил им я, – замолвите в Москве за меня слово. При встрече отблагодарю.

– Обязательно. Мы все же уверены, что ты уедешь вслед за нами.

Но встречи-то у нас так и не произошло. Сергей Сергеевич Харитонов через два месяца погиб в ходе неудачного наступления под Харьковом. Александр Иванович Лукшин к концу войны стал начальником штаба танкового корпуса, полковником; после победы над фашистской Германией участвовал в Манчжурской операции. В 1950-м году, перед окончанием академии Генерального штаба, он заболел и скончался. В апреле в Москву вызвали и меня.

Дорога на фронт

В десятом часу 22-го апреля 1942 года я стоял у фасада здания Московского вокзала в городе Горьком (ныне Нижний Новгород), смотрел на распускавшиеся деревья привокзальной площади и был, наверное, не менее счастлив, чем альпинист, впервые покоривший престижную горную вершину. Еще бы! Состоялось назначение, ведущее на фронт.

Известным мне со студенческих лет трамвайным маршрутом выехал в Сормово, в один из старейших промышленных районов города, а оттуда пешком и попутной машиной в пригородный поселок Копосово, в котором располагалась 160-я танковая бригада, где мне предписывалось быть заместителем начальника штаба по оперативной работе.

Назначенные командир и начальник штаба к тому времени в бригаду еще не прибыли. Представившись заместителю командира и военному комиссару, приступил к работе.

Бригада являлась новым формированием, которое осуществлялось Горьковским автобронетанковым центром, и включала в себя: 352-й и 353-й отдельные танковые, и 160-й отдельный мотострелковый батальоны; зенитную и противотанковую батареи; и несколько отдельных рот, и взводов. Красноармейцы и сержанты были призваны в основном из Горьковской и Кировской областей, поэтому всюду в подразделениях слышались знакомые вятские и волжские говоры. Среди не полностью еще поступивших людей преимущественно были призывники, прошедшие двух или трехмесячную военную подготовку. Командиры взводов и танковые техники прошли обучение только на краткосрочных курсах. Командиров с нормальной училищной подготовкой, сержантов и красноармейцев, прошедших срочную службу до войны, а также лиц с боевым опытом, имелось до 15%. Коммунистов и комсомольцев было соответственно 8 и 15%.

Из всего многообразия задач, которыми пришлось заняться, наиболее трудоемкими были две: организация боевой подготовки и освоение иностранных танков. Побывав в батальонах и ротах, я доложил заместителю командира бригады подполковнику П. Ф. Великанову:

– В учебе у нас неорганизованность, в батальонах она даже не спланирована. Разрешите разработать план и приказ.

– Не вмешивайтесь в дела частей, а займитесь планом сбора бригады по тревоге, – ответил Петр Федотович.

– План сбора будет сделан, – ответил я, – но батальоны учебу не спланируют. Старшие адъютанты всех батальонов и большинство командиров рот имеют лишь ускоренную подготовку, никогда боевой подготовкой не занимались; они не знают, чему и как учить, комбат же пока один.

– Делайте то, что я сказал, – обрывая разговор, ответил подполковник.

Через два дня, 26-го апреля, план приведения в боевую готовность подполковником Великановым был утвержден. Докладывал его прибывший в этот день начальник штаба капитан Н. Т. Иванов. Он подчинил мне помощника начальника штаба по опер работе и трех офицеров связи.

– Товарищ капитан, боевая подготовка в батальонах и отдельных подразделениях не спланирована. От штаба бригады никаких документов на этот счет им не дано. Бригадное планирование разрабатывается, но нужна ваша поддержка исполняющему обязанности командира бригады.

– Планируйте, я доложу, – ответил Николай Тихонович.

Помощник по опер работе оказался не только не танкистом, но вообще без военного образования и вскоре был откомандирован. С офицерами связи, среди которых надежной опорой оказался старший лейтенант И. А. Лукин, окончивший нормальное танковое училище

и имевший год практической войсковой службы до войны, мы уже через сутки разработали месячный план боевой подготовки.

– Докладывайте подполковнику Великанову, он утвердит, с ним я говорил, – приказал начальник штаба после просмотра плана.

– Подождем комбрига, – взглянув на план, ответил Великанов.

Не убедил его и присутствовавший при этом военный комиссар бригады.

Дни шли. Командир бригады полковник И. А. Шаповалов прибыл 30-го апреля. Среднего роста, стройный, одетый в безупречно сшитые из коверкота гимнастерку и брюки, он имел острый и цепкий взгляд, внимательно изучавший нас, и произвел впечатление человека решительного и быстро думающего. После объезда батальонов, он вечером провел совещание, на котором заслушал своих заместителей и помощников, а затем спросил.

– Начальник штаба и вы, его заместитель, доложите, почему в частях ни планов боевой подготовки, ни учебы?

Я встал и ждал ответа начальника штаба, как старшего по должности. Но заговорил Великанов:

– Штаб уже получил задание на разработку плана...

– Это – не ответ.

– Было решено документы планирования отдать в батальоны после вашего прибытия, – доложил Иванов.

– Штаб отвечает за боевую подготовку, но бездействует, а дни летят! – строго упрекнул нас полковник.

– Да, потеряно две недели, – проговорил военный комиссар бригады старший батальонный комиссар Фроим Исаакович Тушнайдер. – Я тоже виноват, не проявил настойчивости, хотя предложение штаба внесено шесть дней тому назад.

– Когда можете доложить план? – сухо спросил комбриг.

– Хоть сейчас, – ответил я. – Завтра документы плана получили бы батальоны.

– Доложить завтра утром! С 3-го мая учеба по единому плану.

1-го мая, утвердив план в присутствии своих заместителей, полковник распорядился:

– Учеба – главное. Учить днем и ночью. Учебный день – 10 часов, плюс два часа на обслуживание вооружения и техники. Потеряли время – наверстывайте.

Начало службы в бригаде радовало, так как попал в подчинение людей, имевших опыт боев с гитлеровцами. Полковник Иван Андреевич Шаповалов, кроме того, участник гражданской войны. Окрыляло и полное доверие этих начальников.

Бригада вооружалась средними танками МК-Ш («Матильда») английского производства и так называемыми малыми Т-60 советского, которых по штату полагалось соответственно 31 и 21. Мало, но больше, видимо, пока страна дать не могла.

Довольно скоро эти незнакомые всем танки мне удалось изучить, так как комбриг поручил провести показную стрельбу на сборе командиров батальонов и рот. Сопоставление их по вооружению с советскими танками Т-34 и КВ, оснащенными 76 мм пушкой, и с немецкими Т-IV с 75 мм пушкой, было не в их пользу. 40 мм пушка «Матильды» являлась мало-мощной, а 20-миллиметровая автоматическая пушка Т-60 для стрельбы по бронированным целям не годилась.

В ходе стрельбы возник ряд вопросов, на которые требовалось дать ответ. Соображения я доложил полковнику.

– «Матильда» может пробивать лобовую броню корпуса и башни танков Т-IV и штурмовых орудий на дальность 500 м, бортовую – до 700–750 м. Но броня у нее лучше, чем у немецких машин. И Т-IV могут пробить ее борт лишь на 450 м. Предлагается экипажам дать такие указания: вести огонь по фашистским танкам с дальностей от 750-ти до 500 м и не сближаться менее этого без стрельбы; основной способ – стрельба с коротких остановок.

– Это интересно. А Т-60?

– Для атаки в первой линии не годятся, сгорят. Бронезащита у них как у бронеавтомобилей. Посылать в атаку их следует за «Матильдами», во второй линии. И еще о МК-Ш. После выверки бой пушек разный, как правило, не соответствует делениям прицела. Это – производственный дефект. Следует произвести их пристрелку снарядами.

– Сколько на это надо снарядов?

– В среднем по шесть на танк.

– На это я не пойду, – подумав, решил комбриг. – Снаряды идут по импорту, значит, их будет мало. А экипажи учить, товарищи комбаты, с учетом тех особенностей оружия, о которых только что сказано.

Хотя процесс боевой подготовки принял организованный характер, ему мешали нехватка танков и изменения в организационно-штатной структуре. Две трети средних танков прибыло лишь к половине мая, артиллерия же – после 20-го. Если задержка с танками объяснялась срывом со стороны англичан сроков поставок, то поздняя подача артиллерии и минометов была на совести центральных органов Наркомата обороны. Это помешало завершить боевое слаживание рот, батарей и батальонов.

В соответствии с первоначальным штатом было сформировано два неодинаковых танковых батальона: один в составе роты средних и роты малых танков, другой в составе трех рот средних танков, по семь машин в каждой. Когда уже была проведена часть ротных учений, Москва дала новый штат, по которому стало два одинаковых батальона, каждый из двух рот средних и одной роты малых танков. Это потребовало проведения с некоторыми ротами учений заново, но из-за нехватки времени они были скомканы. В ограниченное время пришлось провести и батальонные учения.

Недостаточно слаженными оказались штаб бригады и штабы батальонов, хотя все возможности для этого были. Непонятным первоначально показалось мне равнодушие в этом вопросе капитана Иванова, ставшего в начале мая майором. Из двух совместных штабных тренировок была проведена лишь одна, в которой участвовал и я. Перед второй тренировкой майор Иванов сказал:

– Займитесь стрельбами, окажите помощь в подготовке и проведении ротных учений, а тренировку мы проведем с Лукиным.

В действительности он отложил тренировку, а затем и отменил. С его согласия были отменены также сборы связистов и разведчиков.

Все это отрицательно сказалось на управлении бригадой. В ходе командно-штабного учения бригады, проводившегося начальником автобронетанкового центра 21-22-го мая, управление по радио было неустойчивым, часто срывалось. Командир бригады нервничал и почему-то больше критиковал меня, а не моего начальника. Но я не обижался, так как уже знал, что Николай Тихонович по характеру медлителен, не озабочен и легко поддается на уговоры. Поэтому мне нужно было организовать свою работу так, чтобы больше принять участия в подготовке штабов и связистов.

Надо сказать, что опытный и энергичный политработник Тушнайдер не сумел надлежащим образом направить политработу на решение задач учебы. В результате этого жажда личного состава поскорее встретиться с врагом не перевоплотилась в стремление лучше освоить вооружение и технику. В этом меня убедило собрание личного состава 352-го танкового батальона перед батальонным учением. Все выступавшие больше говорили о желании быть на фронте, чем о предстоящем учении. Например, один из опытных мехводителей-фронтовиков сказал:

– Учение-то мы проведем, а у меня... есть только одна дума, одна мечта: поскорее в бой, бить фашистскую нечисть.

В начале своего выступления я спросил его:

– Вы уже изучили английский танк, хорошо его водите и быстро устраняете неисправности?

– Нет, конечно, только начал.

– У вас боевой опыт и то надо много учиться, а большинству – тем более. Все мы лишь в начале боевой подготовки. В ходе ротных учений и стрельб вы сами убедились, что обученность пока слабая. Вступать в бой с такой выучкой против гитлеровцев, имеющих трехлетний опыт войны, значит обрекать себя на поражение.

Выслушав мой доклад об этих настроениях, военком бригады сказал:

– Да, это так. Повернуть сознание людей к боевой подготовке нам в должной мере пока не удалось.

«Не запоздалый ли вывод?» – подумалось мне.

24—25 мая проверяла готовность бригады комиссия Главного автобронетанкового управления Красной Армии. При этом бригада совершила 60-километровый марш. Он не был удачным: колонны излишне растягивались и разрывались, темп низкий, выявилось немало неисправностей на танках. Для штаба же вновь наиболее неприятным было продолжительное отсутствие связи с батальонами в движении. И комбриг согласился с предложением, чтобы повторить батальонные учения и провести тренировку радиосетей.

Другого маршевого опыта, кроме похода к озеру Хасан в 1938-м году, у меня не было, и сравнение с ним марша бригады было не в пользу ее. Однако комиссия сделала вывод: бригада обучена удовлетворительно, к ведению боя готова.

– Щедрая оценка, – сказал я майору Иванову.

Это услышал полковник Шаповалов и бодро заметил:

– Ты не прав. Бригада движется, разворачивается, словом – обучена.

Тут к месту будет сказать следующее. 18-го мая я был избран секретарем бюро первичной партийной организации управления бригады и просмотрел учетные карточки коммунистов. Оказалось, что с 1927-го года по март 1941-го Шаповалов служил в химвойсках, окончил Военно-химическую академию, служил в огнеметной танко-химической бригаде. Он не знал танк и в чисто танковой части служил пять месяцев. Либо это обстоятельство, либо оценка комиссии породили у него необоснованный оптимизм. И с этого момента у него, вместо прежней требовательности в вопросах боевой подготовки, появилась какая-то самоуспокоенность.

А нас, командиров штаба, чувство неудовлетворенности не покидало. И когда был получен приказ бригаде скрытно, в течение четырех ночей выйти в исходный район для погрузки в эшелоны, то штаб разработал проведение по ходу выдвижения батальонных и батарейных учений. Это вызвало недовольство полковника Шаповалова.

– Какие учения? Вы понимаете слово «скрытно»?

– Понимаем, – ответил начальник штаба. – Но, ведь, танки-то на марше шумят, их движение не скроешь. Не все ли равно передвигаться и шуметь, проводя учения, или без них?

– А радиосвязь?

– Кругом проводят учения другие бригады, работает радио почти круглосуточно, поэтому никакая разведка не разберет, что к чему, – ответил я.

Но комбрига убедить не удалось. Так оказалась упущенной возможность поднять слаженность частей и подразделений.

Вечером 29-го мая было получено распоряжение о включении бригады в состав 11-го танкового корпуса, а 31-го она тремя железнодорожными эшелонами убыла на фронт. Командование и штаб бригады находились в первом эшелоне.

– Куда мы следуем? – спросил я полковника Шаповалова.

– Не знаю. По существующему порядку командованию перевозимых войск это не положено знать.

Я смутился из-за неуместно поставленного вопроса, хотя действительно этого не знал.

В ходе трехдневного переезда с подчиненными мне помощником начальника штаба, каковым являлся уже Лукин, и тремя офицерами связи удалось провести занятия по практическому оформлению оперативных документов.

К вечеру 3-го июня эшелон прибыл на станцию Долгоруково, 35 км южнее Ельца, города, входившего в то время в Воронежскую область.

Сразу после остановки вагонов, подошедший к командиру бригады майор передал распоряжение командира корпуса прибыть к нему. Полковник Шаповалов пригласил комиссара, приказал следовать с ним мне, и мы двинулись за машиной майора. Через 15—20 минут остановились в большом саду у группы автобусов и палаток.

Передавая папку со сведениями о боевом и численном составе, мною было доложено командиру бригады:

– Товарищ полковник, могут потребоваться карты. Я их получу, надо подождать.

– Получайте и быстро к нам.

Но когда я вышел от топографов со склейками карт двух масштабов, то мои начальники были уже в автобусе командира корпуса. Войдя туда, увидел стоявшего за столом генерал-майора танковых войск, высокого роста, с волевым лицом и тяжелым взглядом. Это был Алексей Федорович Попов. Он отчитывал стоявшего навытяжку полковника Шаповалова:

– Плохо, что вы явились ко мне без карты, а еще хуже, что мало танков.

Увидев меня, резко спросил:

– А вам, молодой человек, что нужно?

Я представился и попросил разрешения вручить командиру бригады карты.

– Надо вовремя это делать. Карту на стол! – приказал он. Я развернул карту, а генерал красным карандашом обвел район, поставил в одном из сел знак командного пункта и приказал:

– Вот здесь поставить бригаду, к восьми часам послезавтра подготовить круговую оборону с основным направлением на запад.

Так состоялось знакомство с командиром корпуса, обдавшее нас холодом.

Буквально на ходу встречавший нас майор перенес на свою карту район бригады, начертанный комкором, а с его карты я взял все то, что не было нам сказано: линию фронта, маршруты движения и время сосредоточения, соседей и их районы, а также место командного пункта корпуса.

В сумерках колонна штаба и подразделений, выгрузившихся из первого эшелона, прибыла в село Стегаловку, в 10-ти километрах севернее Долгорукова. И тут же последовало распоряжение о проведении рекогносцировки в северо-западном, в сторону Русского Брода, и в западном, в сторону города Ливны, направлениях для выбора на них участков обороны и рубежей развертывания на случай контрудара в составе корпуса. Решение на утверждение командиру корпуса требовалось представить уже к 19-ти часам следующего дня.

Командование и штаб бригады не были еще введены в обстановку. Наши карты отображали лишь линию фронта, проходившую в 70-75-ти километрах западнее расположения бригады. Но обозначилась уже роль корпуса: находясь в резерве, быть в готовности к нанесению контрудара или занятию обороны на случай прорыва вражеских войск.

Штабу пришлось одновременно организовывать и проводить рекогносцировки, осуществлять встречу эшелонов и вывод частей и подразделений в районы расположения, контролировать организацию обороны, представлять отчетные документы в штаб корпуса. В этой непростой, но довольно обычной для опытных фронтовиков обстановке, начиналась моя штабная служба в ходе боевых действий. И в первые дни я не все сумел охватить.

Слабым участком оказалась работа на командном пункте (КП) во время отлучки на рекогносцировку. В это время поступило распоряжение к 19-ти с половиной часам представить

схему обороны бригады, но оно оказалось не выполненным в срок, и было представлено с опозданием на час.

– Чтобы я больше никогда не краснел за вас перед начальником штаба корпуса! Поняли? – строго отчитывал меня полковник Шаповалов.

Я не стал докладывать о том, что, будучи на КП, начальник штаба не только не позаботился об исполнении распоряжения, но и занял оставшегося офицера связи, который мог бы оформить схему, второстепенным поручением. Искренне чувствуя свою ответственность, только и сказал: «виноват».

Усложнила работу и растяжка рекогносцировки. Штаб спланировал ее провести двумя рекогносцировочными группами, параллельно на обоих направлениях, в течение одного дня, так как большего времени нам не было дано. Полковник Шаповалов решил осуществить работу одной группой, самому побыть на обоих направлениях.

Как и ожидалось, до вечера была выполнена лишь половина дела, потребовался еще день; отчитываться же пришлось после первого дня. Подписав оформленное на карте решение, комбриг приказал мне отправиться для доклада его в штаб корпуса.

– Хотел доложить сам, но мне не разрешено ночью покидать бригаду. В оперативном отделе корпуса возьмите и нанесите задачи соседних бригад. Вам известен состав корпуса?

– Пока нет.

– В нем еще три бригады, – следя, как я записываю, говорил полковник. – Это 53-я тяжелая танковая, вооруженная танками КВ и Т-60, 59-я танковая с таким же вооружением, что и наша, и 12-я мотострелковая. Кроме бригад есть несколько частей обеспечения и обслуживания.

Начальник оперативного отдела, уяснив решение комбрига, проверив его оформление и точность нанесения на карту задач соседей, приказал следовать с ним к начальнику штаба корпуса. И тут я не на шутку испугался: ведь половина решения принята без изучения местности!

В одной из деревенских хат принял высокий, стройный, темноволосый полковник Петр Иванович Калиниченко. Подозрительно посмотрев на оробевшего посланца, всего лишь старшего лейтенанта, спросил:

– Вы, что, временно исполняете должность заместителя начальника штаба?

– Постоянно, – ответил я.

– С какой должности назначены?

Я доложил.

– Значит, окончили академию?

– Да.

– Тогда – другое дело.

Главным из числа заданных в ходе моего доклада по карте вопросов явился следующий:

– Почему командир строит боевой порядок бригады в обороне на одних рубежах – в один эшелон, на других – в два?

Поскольку в ходе подготовки у нас с Лукиным этот момент вызвал наибольшие раздумья, а работа на местности подтвердила целесообразность предложенного, то я ответил без задержки:

– В два эшелона, как видите, там, где перед передним краем заболоченные речки и ручьи. На этих участках противник первоначально атакует пехотой, и мотострелковый батальон, расположенный в первом эшелоне и усиленный танками, лучше справится с отражением атаки, чем танковые батальоны, особенно ночью. В остальных случаях бригада строится в один эшелон, а мотострелковый батальон идет на усиление танковых.

После изучения решения комбрига, сведений о боевом и численном составе бригады, начальник штаба корпуса приказал:

– Доложите полковнику Шаповалову, что наш корпус включен в состав 5-й танковой армии и должен быть готов к нанесению контрудара по прорвавшемуся противнику как в составе ее, так и самостоятельно. Это должно знать командование и узкий круг командиров штаба. Когда и где враг нанесет удар – мы не знаем. И чем раньше будет бригада готова к действиям, тем лучше. Об утверждении или изменении решения командиром корпуса сообщим.

– Есть! – ответил я и в радости, почти бегом, удалился.

Еще два дня я и мои подчиненные были заняты рекогносцировками, к которым были подключены уже командиры батальонов и рот, вследствие чего контроль за организацией обороны оказался запоздалым. Когда мне с двумя офицерами связи удалось в течение дня основательно ее изучить, то обнаружилось, что ряд позиций имеют ограниченный обзор и обстрел и не замаскированы, система огня и проводная связь организованы не везде. А, ведь, прошло три дня после прибытия последнего эшелона!

О случившемся я доложил начальнику штаба.

– Доложите все это командиру бригады, – распорядился он.

Николай Тихонович не первый раз подставлял меня под удар, когда что-то было неладно. Но на этот раз меня прорвало.

– Мое дело доложить вам, а комбригу докладывайте вы.

– Почему? – насторожился он.

– По двум причинам. Во-первых, вы отсутствовали полдня, а мои подчиненные и я – три дня. То есть вы были здесь, но не проверили и, таким образом, мой доклад будет направлен против вас, чего я не хочу. Во-вторых, если по крупным вопросам буду докладывать я, а не вы, получать указания и отчитываться за их осуществление тоже я, то ответственность за выполнение ваших обязанностей ляжет на меня при отсутствии у меня прав распоряжаться. Между тем мне нужно еще научиться выполнять свои обязанности.

Не ожидая, видимо, от меня такой откровенности на грани дерзости, Николай Тихонович удивленно посмотрел на меня и, понизив голос, сказал:

– Комбриг лучше понимает вас, чем меня.

– Это не дает мне права подменять вас, – решительно заявил я.

Докладывать все-таки пришлось ему. В итоге произошло перемещение оборонительных позиций многих рот, повторное выполнение земляных работ, а личный состав о непредусмотрительности командиров, естественно, отозвался неодобрительно. До проверки вышестоящим командованием недостатки были устранены не полностью, в результате чего командование бригады в приказе командира корпуса получило замечание.

Только 14-го июня бригада приступила к боевой подготовке. На этот раз полковник Шаповалов согласился пристрелять пушки снарядами на дальность 700 м, что и удалось сделать. Но учеба внезапно прервалась.

В информации о противнике, ежедневно поступавшей от вышестоящих штабов, с 11-го июня отмечалось сосредоточение крупной его группировки в районе Орла. Делался вывод, что он готовится к наступлению в ближайшее время и что удар этой группировки возможен через Мценск (50 км северо-восточнее Орла), южнее Тулы на Москву. И 5-я танковая армия была перегруппирована в район северо-западнее Ефремова, города, находящегося севернее Ельца, в 65-ти километрах.

Наша бригада за двое суток переместилась в район населенных пунктов Кандауровка, Долгие Лески, Барановка (35 км северо-западнее Ефремова) комбинированным способом: гусеничная техника – по железной дороге, колонна колесных машин – маршем через Елец, Ефремов, Овечьи воды. Новый район расположения бригады от линии фронта отстоял 60—70 км.

Бригада сразу же заняла оборону и к концу дня 20-го июня завершила ее организацию. Полученный в прежнем районе опыт подготовки обороны был учтен. Но не только это. В новый район войны бригады шли с убеждением, что со дня на день будет схватка с врагом, поэтому трудились самоотверженно.

Помню, как при проверке обороны одной из мотострелковых рот мое внимание привлекли специальные приспособления, сделанные из колышков и жердочек для стрельбы ночью.

– Молодец! Умница! – похвалил я бойца, вооруженного ручным пулеметом.

– Это – не я молодец, а командир роты.

– Эти приспособления нам показал заместитель командира батальона капитан В.И.Карпенко, – доложил командир роты.

В то время я еще хорошо не знал организацию огня стрелковых подразделений, поэтому увиденное было весьма полезным уроком; в дальнейшем в ходе войны мне не раз эти приспособления приходилось применять.

И здесь пришлось заниматься рекогносцировкой и подготовкой к контрудару такого же характера, что и к западу от Долгорукова. И эта задача была выполнена четко и организованно.

В прежнем районе, на марше и здесь, к западу от Кандауровки личный состав бригады видел следы хозяйничанья фашистов, пять-шесть месяцев тому назад выбитых с этой местности в ходе Елецкой операции. Немало было взорванных мостов, разрушенных и сожженных деревень и городских зданий. Это был убедительный документальный материал для повседневного воспитания ненависти к врагу.

Здесь мы получили танковое подразделение, включавшее 13 «Матильд», в том числе (к нашей радости) пять единиц с 75-мм пушкой. Таким образом, количество танков в бригаде возросло с 52-х до 65-ти (средних – 44, малых – 21). И организационным изменениям, уже третьим за два месяца существования, подверглись оба танковых батальона, в которых стало только по две роты, но из десяти средних танков каждая. Была создана отдельная рота малых танков такого же состава, а остальные одиннадцать малых танков были обращены на доукомплектование взводов управления батальонов и бригады.

Большинство в штабе бригады, командование и штабы батальонов были неудовлетворены такой структурой. Поразмыслив, начальник штаба пригласил меня на доклад к командиру бригады.

– В новой организации танковые батальоны ротами бедны, а роты великоваты, – докладывал майор Иванов. – При том же количестве средних танков просим в батальонах иметь по три роты, но не из трех, а из двух танковых взводов – по семь танков в роте (в одной шесть), и включить в них в качестве четвертых по роте малых танков в составе семи машин каждая.

– Разве рота из десяти танков – плохая рота? – спросил комбриг.

– Рота хорошая, но в ней три взвода, а не два, поэтому управлять ею сложнее, – включился в разговор я. – В бригаде знаю только двух командиров рот, которые к этому готовы, потому что они – кадровые, с хорошим практическим опытом. Напротив, командиры батальонов – люди опытные, им и четыре роты по плечу. Батальон из трех рот средних танков позволял бы создавать различные варианты боевых порядков, то есть был бы более гибким; когда же в нем две роты, то и вариантов всего два, причем вариант из двух эшелонов практически не применим. Роты Т-60, следуя за средними танками, усилили бы их огневую мощь.

– Что это за рота из семи малых танков! – возразил полковник.

– О недостатках малых танков говорим немало, но забываем об одном из главных – они, кроме танков командиров взводов, то есть четыре из пяти, без радиостанций, – продолжил я. – И чем больше танков во взводе, а в роте взводов, тем менее управляемы они. Это уже показала рота из 16 малых танков, которую мы имели под Горьким.

– Но мне нужна рота малых танков как постоянный резерв, – настаивал командир бригады.

– Мы и над этим думали, но пришли к выводу, что резерв из малых танков не будет воевать, – сказал майор Иванов. – Отдельно эту роту для выполнения большинства задач не пошлете. Поэтому куда лучше брать в резерв роту средних танков, когда их в батальоне три. А как возьмешь, когда их две? Кроме того, во взводах управления батальонов малые танки будут не воевать, а обеспечивать, а мы предлагаем, чтобы они воевали.

– Да, ваши доводы разумны, – согласился полковник Шаповалов. – Будем докладывать.

Полковник Калиниченко командира бригады поддержал, но командир корпуса не считал необходимым ставить этот вопрос перед штабом армии. Наша просьба не была удовлетворена. Как впоследствии показали бои, предложения командира бригады были целесообразными.

Самым же существенным недостатком организационной структуры бригады была слабость средств ПВО и отсутствие артиллерии для подавления объектов и целей. Единственная зенитная батарея, имевшая две 37 мм автоматические зенитные пушки и два зенитных пулемета, могла прикрыть лишь один батальон или командный пункт бригады.

К 22-му июня бригада была укомплектована вооружением, боевой техникой и средствами обеспечения боя – на 80—100%, личным составом – на 98%. Возросла и численность коммунистов и комсомольцев. Но реорганизованные танковые подразделения нуждались в слаживании, однако возобновившаяся с 22-го июня боевая подготовка шла с ограничениями. Вышестоящим командованием в целях скрытия от разведки противника места крупной танковой группировки были запрещены передвижения и стрельбы танков; отказано было осуществлять это и ночью. В результате учения танковых рот и батальонов провести не удалось. Лишь с 29-го июня, когда началось наступление гитлеровцев, были разрешены стрельбы.

Вызывали удивление командования бригады как недостаточное внимание одних лиц, так и поверхностные наскоки других в вопросах боевой подготовки.

Так, 2-го июля стрельбу 2-й роты 353-го танкового батальона внезапно посетил командир корпуса.

Он прибыл за полтора часа до начала стрельбы, в период ее подготовки, когда еще многое не было сделано, но, тем не менее, строго отчитал командиров батальона и бригады за неорганизованность. Перед стрельбой и с ее началом генерал Попов все внимание сосредоточил на знании обязанностей лицами, руководившими и обеспечивавшими стрельбу, а не на ее методике и ходе. Вместе с командиром бригады мне пришлось быть на этом занятии. Бесспорно, на такие, например, организационные упущения, как нечеткое обозначение рубежей открытия и прекращения огня, командир корпуса имел резон указать, но требовать от начальника оцепления и дежурного фельдшера, вчерашних гражданских лиц, такого же четкого знания обязанностей, как и от кадровых военных, вряд ли было возможно. Мы ожидали услышать от опытного танкиста многое из того, что касалось приемов стрельбы и» действий при оружии иностранного танка, незнакомого советским танкистам. Вместо этого услышали грубость и брань.

Война – не учение мирного времени. На ней порой не обходится без крепких слов. Если они к месту, учат, направляют и помогают воевать, то подчиненные их понимают, и обиды не держат. А ругань, в том числе в адрес командиров в присутствии их подчиненных, отталкивает. Такое ощущение осталось у нас от этого посещения командира корпуса.

К месту будет сказать: в корпусе две из трех танковых бригад были вооружены «Матильдами», но ни командование, ни штаб, ни танкотехническая служба корпуса не дали ни разу никаких рекомендаций по вопросам стрельбы и эксплуатации.

Еще пример. Только 30-го июня было проведено дважды откладывавшееся единственное двухступенное штабное учение под руководством начальника штаба корпуса. Наиболее слабыми местами оказались взаимодействие между командирами штаба корпуса и штабов бригад и связь между командными пунктами, особенно во время перемещения, вследствие неслаженности радиосетей и невысокой подготовки радиотелеграфистов. Оперативные документы

штаба корпуса поступали в штабы бригад с большим опозданием и имели много неточных, неясных формулировок.

На эти недостатки указал на разборе полковник Калиниченко, отметив хорошую слаженность нашего штаба.

А нас это учение не удовлетворило из-за своей кратковременности, так и из-за ограниченности содержания. Мы знали, что полковник Калиниченко имеет за плечами командный факультет академии механизации и моторизации, обладает большим опытом штабной работы и вступил в войну в должности начальника штаба корпуса. В нем сочетались образованность, твердость и ясность суждений. Но подготовке штабов, частей и подразделений связи он достаточного внимания не уделял. Видимо, ему что-то мешало.

Если в результате проведенных стрельб огневую подготовку удалось повысить, то тактическая подготовка танковых подразделений так и осталась слабой.

Цена первых уроков

В двадцатых числах июня фашистские разведывательные самолеты все чаще и чаще стали пролетать над районом расположения бригады и, как правило, на высоте, недосягаемой для огня зенитной батареи.

А затем обстановка на фронте резко изменилась. 29-го июня мы получили оперативно-разведывательную информацию из штаба корпуса, из которой узнали, что накануне противник перешел в наступление на курско-воронежском направлении, то есть непосредственно юго-западнее того района, в котором до 16-го июня располагался 11-й танковый корпус. Последующие информации были все тревожнее и тревожнее: 30-го июня противник на указанном направлении прорвал оборону и углубился на 40 км; 2-го июля вражеской группировке, включавшей до полутора десятков дивизий, в том числе до половины танковых и моторизованных, удалось расширить фронт прорыва и углубиться еще больше.

В полдень 2-го июля командир бригады вызвал начальника штаба, ряд командиров штаба, заслушал доклады об обстановке и распорядился подтянуть ближе к району бригады все подразделения, находившиеся в отрыве от нее на разведке и устройстве путей, а также подготовить рекогносцировочные группы.

А в утренней информации 3-го июля, отмечавшей продвижение фашистских войск в сторону Воронежа на 80 км и выход их на рубеж реки Олым (70 км западнее Воронежа), конкретно указывалось, что там наносят удар 4-я танковая армия и ряд армейских корпусов противника.

Так стал ясен ответ на вопрос: где враг нанесет удар? Ответ, не вычисленный заранее, а слепок с фактических событий и потому довольно неожиданный. Фашистскому командованию удалось нанести удар там, где его в меньшей степени ожидало наше руководство. Именно вследствие этого крупная танковая группировка в нужный момент оказалась не там, где нужно.

Около 19-ти часов было приказано бригаде к исходу дня подготовиться к маршу в район поселка Долгоруково и перевозке танков по железной дороге. Но план перевозки был нарушен в самом начале. Побывав на станции Ефремов, помощник командира бригады по технической части инженер-майор М.И.Кедров доложил полковнику:

– Оттягивается погрузка всего корпуса. Станция Ефремов и ближайшие станции заняты прибывающими и разгружающимися эшелонами с войсками.

– Что за странность? Противник рвется к Воронежу, а войска везут к Ефремову, – удивился полковник Шаповалов. – Не перепутали ли вы?

– Лично сказал начальник оперативного отдела корпуса.

Только в 17 часов 5-го июля начал погрузку первый эшелон бригады; завершила же перевозку и сосредоточилась в районе Карташевки (13 км восточнее Долгоруково) она лишь к 13-ти часам 6-го июля. В итоге бригада, да и корпус в целом прибыли в район к юго-востоку от Долгорукова почти надвое суток позже плана.

Вскоре стало известно, что задержку вызвали не только занятость станций погрузки, но и нехватка подвижного состава.

Теперь мы отчетливо слышали стрельбу артиллерии и грохот разрывов бомб и снарядов. И все воины почувствовали, что схватка с врагом близка. Так, при проверке в середине дня окапывания и маскировки в 352-м танковом батальоне, видел, с какой тщательностью танкисты делают это. Заметил, что некоторые экипажи вместо щелей на экипаж роют танковые окопы, хотя стоять в этом районе нам предстояло недолго. Спросил младшего лейтенанта, командира танка:

– Почему вы вместо щели для экипажа делаете танковый окоп?

– В бою нужны и мы и танк. Без танка мы и не танкисты и не пехота, а что-то вроде ухи без рыбы. В случае налета фашистских самолетов окоп спасет танк, А танк – нас: щель то мы

сделаем, но под танком. Ведь как бывает на войне-то: сказано на час, а стоим сутки; бывает и наоборот.

– Вы – фронтовик?

– Да, пришлось. Меня фронт уже «приласкал», – показывая шрам на подбородке, ответил он.

Делать щели в танковом окопе под танком экипажи вскоре стали всякий раз, когда приходилось более четырех-пяти часов стоять на месте, вне боя: ведь в воздухе господствовала авиация противника.

В течение 6-8-го июля 160-я танковая бригада назначалась в третий эшелон или резерв корпуса, получала боевые задачи на той же глубине, что и первый эшелон, но фактически в бой вступала лишь частью сил.

Задача на 6 июля была изображена на карте, доставленной офицером связи корпуса сразу после завершения сосредоточения бригады. Ей следовало выдвигаться в третьем эшелоне за 59-й танковой бригадой, овладеть лесом 2 км восточнее Яковлева (схема №1) и в последующем селом Казинка, 7 км северо-восточнее Землянска. Устно он добавил, что задача корпуса, нанося удар в направлении Вислая Поляна, Казинка, Верхнее Турово (40 км западнее Воронежа), выйти в тыл группировке гитлеровцев под Воронежем и во взаимодействии с соседом слева – 7-м танковым корпусом разгромить ее.

По материалам карты сколько-нибудь ясного представления об обстановке составить было нельзя. На ней в районе Голосновки, Хрущева (западного) были помечены части 9-й танковой дивизии гитлеровцев без указания конкретных частей. Со слов офицера связи стало известно также, что у Воронежа противник прорвался к реке Дон, а из соединений корпуса впереди, в районе Новосильского, движется к реке Кобылья Снова 12-я мотострелковая бригада.

– Старший лейтенант Обатуров, а кто наши соседи справа и слева? – спросил в ходе принятия решения полковник Шаповалов.

– Сведений нет, товарищ полковник. Штаб корпуса в движении, его радиостанции не отвечают. На поиски соседей направляю офицеров связи.

– А что у фашистов против 12-й мотострелковой бригады? – задал он вопрос начальнику разведки.

– Данных не имеем, два разведдозора на Т-60 высланы...

– Товарищ Иванов, штаб не делает то, что обязан делать. Как прикажете принимать решение, не зная обстановки?

Командир бригады нервничал, а мы стояли, виновато опустив головы, хотя штаб лишь полтора часа тому назад прибыл в район сосредоточения после выгрузки в Долгоруково. Обнажился просчет: штабу следовало выдвинуться вперед с автоколонной, а не связывать себя с эшелоном. А я больше ругал себя за другое: у нас не оказалось описания района действий, в частности, материалов о реках и заболоченных местах или, как принято говорить на военном языке, о гидрографии. Вот эти-то материалы мною не были заблаговременно запрошены в штабе корпуса.

К исходу дня уже удалось собрать достаточные сведения о своих войсках и некоторые – о противнике. Впереди 12-я и 2-я мотострелковые бригады нашего и 2-го танковых корпусов. После встречного боя с передовыми частями 9-й танковой дивизии противника, к вечеру отошли на северный берег реки Кобылья Снова, на участок Островок, Каменка, а 53-я и 59-я бригады были задержаны фашистской авиацией и дальше указанной реки не продвинулись. Слева 7-й танковый корпус частью сил к этому времени занял северную часть Перекоповки. В связи с этим наша бригада была остановлена в районе Вислая Поляна и севернее. К вечеру дважды она подверглась ударам 10-11-ти пикирующих бомбардировщиков Ю-88. При первом ударе в управлении бригады и в батарее 76 мм пушек два человека было убито, восемнадцать

ранено и выведено из строя два орудия с тягачами. Легкое ранение получил начальник штаба, но остался в бригадном медицинском пункте.

Хотя в ходе второго налета зенитная батарея сбила один бомбардировщик, мы отчетливо почувствовали весьма слабую защищенность от гитлеровской авиации. Тем не менее, воины бригады рукоплескали зенитчикам, открывшим первыми счет уничтоженным фашистам.

До сих пор доклады комбригу мною делались или в присутствии начальника штаба, или по его поручению. Естественно за изложенное ответ держал не один я. Теперь же, оставшись за начальника штаба, я отвечал единолично. Поэтому наряду с самостоятельностью возросло и чувство ответственности, однако наивно полагал, что сумею сразу получить во всем доверие командира бригады.

На 7-е июля распоряжением командира корпуса, полученным вечером 6-го, предусматривалось, что из третьего эшелона бригада войдет в бой после того, как первые два эшелона преодолеют Кобылью Снову. Этим обуславливалось построение колонны бригады в готовности к развертыванию и переходу в атаку с ходу. Такой способ и отрабатывался главным образом в ходе боевой подготовки.

Но в ходе раздумий возник вопрос: а как комкор поступит с нашей бригадой, если наступающие впереди не смогут овладеть южным берегом реки? Вероятнее всего прикажет и ей форсировать реку, но где? Слева наступает 7-й мехкорпус, следовательно, скорее всего между Вторыми Тербунами и Островком.

От местных жителей мы уже знали, что пойма реки широко заболочена и лишь у Конного брода ширина и глубина болота наименьшая. Тотчас было приказано саперам произвести разведку, что в сумерках они и сделали. Одновременно в штабе действовавшей справа 55-й кавалерийской дивизии побывал офицер связи. Из полученных там сведений стало известно, что перед ее левофланговым полком, обороняющим Вторые Тербуны, перешел к обороне 770-й пехотный полк 377-й пехотной дивизии противника. Кавалеристы считали, что наименее плотно обороняемым гитлеровцами участком является участок берега, примыкающий к Конному броду с юго-запада.

На основе оценки этих сведений я посчитал предпочтительным построить боевой порядок бригады в предвидении форсирования реки, для чего в первом эшелоне иметь мотострелковый батальон, а во втором танковые в готовности поддержать огнем первый эшелон при форсировании. В случае же ввода бригады в бой южнее реки выдвижение в первый эшелон танковых батальонов и прием ими на усиление мотострелковых рот не должно занять много времени. Такие соображения я и доложил командиру бригады.

Полковник Шаповалов, однако, решительно возразил:

– Я с вами не согласен. Бригаду предусмотрено ввести в бой после форсирования реки 53-й и 59-й бригадами, поэтому боевой порядок надо строить не для форсирования, а для атаки, возможно и во встречном бою. А так как задача глубокая, то и боевой порядок следует иметь глубоким: первый и второй эшелоны – танковые батальоны с мотострелковыми ротами, третий – мотострелковый батальон без двух рот, резерв – рота малых танков.

– Товарищ полковник, если ввод в бой южнее реки вы считаете единственно возможным, то прошу в первом эшелоне иметь оба усиленных танковых батальона. В противном случае удар будет не бригадный, а батальонный, – настаивал я. – Ведь и без нашего решения много непонятного: генерал Попов ночью говорил о сильных, решительных танковых ударах, а на деле корпус наносит удар одной третью танков. Мы тоже хотим лишь половиной их. Где же эти сильные удары?

– Нет! Решение будет таким, какое я назвал, – ответил комбриг. – Готовьте приказ.

Неудача с докладом удручила, хотя и не поколебала веры в предложенное. Наряду с исчезновением некоторой самоуверенности я понял, что нужно учиться доказывать.

Как и ожидалось, первые попытки 53-й тяжелой танковой и введенной левее ее 59-й танковой бригад форсировать реку окончились неудачей. Противник оказал сильное огневое сопротивление, а его авиация, заставив их рассредоточиться, накрепко «приковала» к одному и тому же месту. На это ушла первая половина дня. Поэтому вскоре после 12 часов комкор приказал 160-й танковой бригаде форсировать реку западнее Острова.

На сбор разбросанных по всей колонне подразделений мотострелкового батальона потребовалось до двух часов, чего можно было избежать. Но главное даже не в этом. Ввести бригаду в бой, и тем самым расширить фронт форсирования, можно было с утра. Для устройства 15-метрового моста и гати длиной 270 метров бригаде требовалось примерно 12 часов. Действуя с утра, мы к вечеру могли бы иметь переправу для техники, а теперь это возможно было лишь к утру следующего дня.

И все же к 15-ти часам частью сил мотострелкового батальона удалось захватить участок на юго-западном берегу, отбросив до двух гитлеровских взводов пехоты с двумя танками и приступить к строительству моста и гати, часто прерывавшемуся из-за налетов фашистской авиации.

Между тем другие бригады все же сумели овладеть участком правого берега к югу от Острова, восстановить там мост и к 19-ти часам выйти к Хрущеве. Хотя о функционировании этого моста нам стало известно с большим опозданием, бригада по решению полковника Шаповалова стала переправляться по нему, так как до готовности нашей переправы было далеко.

После прохода через мост головного 352-го батальона, генерал Попов приказал переправу прекратить; бригаде занять оборону в Яковлеве. Составляя резерв корпуса, быть готовыми отразить удар противника с запада. Принимая решение на оборону, полковник Шаповалов высказывал свои мысли вслух:

- Угрозы правому флангу корпуса не вижу. Там прочно стоит кавдивизия.
- К тому же правый фланг корпуса южнее, к западу от Хрущево, – заметил я.
- Вот именно.

Около 19-ти часов зенитная батарея вновь сбила фашистский самолет. Это был «Хенкель-Ш». Один из трех членов экипажа, командир его, обер лейтенант спустился на парашюте и был пленен. Первый пленный фашист, которого я видел; не мог не заметить его надменности и взгляда, полного презрения. А вот наших самолетов, ни истребителей, ни штурмовиков, как и накануне, мы не видели ни одного.

8-го июля я впервые близко увидел настоящий бой.

12-я мотострелковая бригада утром этого дня овладела Хрущевым, а к 15-ти часам захватила большую часть Ивановки. Вслед за ней 59-я бригада восстановила мост через Голую Снову в Хрущеве и переправилась. Стремясь расширить фронт атаки, командование бригады без разведки направило один танковый батальон вброд западнее Ивановки, где 12 «Матильд» засело в пойме. Дальнейшее наступление в направлении Ильиновки, Федоровки полубригадой не сулило успеха, и командир корпуса ввел в бой на этом направлении наш 352-й батальон, отдав приказ непосредственно ему, минуя командира бригады, и не поставив его в известность. Батальон развернулся левее 59-й бригады и совместно с одним из ее батальонов атаковал противника, оборонявшего северную опушку леса и высоту 218,7 юго-восточнее Хрущева. Здесь у фашистов оказались окопанные штурмовые орудия, противотанковые пушки и танки. Сначала оба батальона имели успех, отбросили противника с потерями на полтора километра, но в результате контратаки превосходящего числа танков и мотопехоты при поддержке артиллерии и бомбардировщиков, вынуждены были отойти более чем на километр.

Бой стоил потерь, в 352-м батальоне погиб один из лучших командиров рот старший лейтенант Абрам Васильевич Сокол.

Обо всем этом штабу бригады стало известно около 18-ти часов из донесения комбата, так как из-за удаленности батальона связь по радиостанциям английских танков была потеряна.

– Почему я ничего не знаю! Почему командуют через голову? Кто отвечает за батальон, корпус или бригада? – возмущался командир бригады.

Поостынув, он потребовал:

– Обатуров, начальник разведки, какой там противник?

– Отмечаются части 9-й танковой дивизии. При равенстве по танкам, не считая Т-60, приравняемых к бронетранспортерам, противник превосходит корпус: по пехоте – более чем в два раза, по артиллерии – в полтора, а в авиации и говорить нечего!

– А П-я танковая дивизия перед 7-м корпусом не выдумана?

– Разведотдел штаба корпуса ссылается на сведения, полученные от 7-го танкового корпуса, – доложил начальник разведки.

– Так как же можно превосходящего противника атаковать не целыми бригадами, а побатальонно! – досадливо и горячо вопрошал полковник.

Выдержав паузу, я предложил:

– Пока наши батальоны поодиночке не разгромлены, нужно, чтобы в районе 352-го батальона была вся бригада.

– Правильно! Давайте связь с корпусом. Предложение командира бригады было утверждено. И чтобы захватить светлое время для изучения обстановки, с разрешения комбрига мы с начальником разведки отправились в батальон, не ожидая колонну бригады.

Был вечер. Мелкий дождь сделал глинистые подъезы, спуски и подходы к мостам, скользкими, резко снизив скорость движения броневика. Нетерпение напрягло нервы. И лишь около 20-ти часов удалось прибыть к командиру батальона подполковнику Василию Владимировичу Ободовскому. Он показал на местности положение батальона, приданной ему мотострелковой роты и противостоящего противника. И тут с досадой заметил, что если бы несколько наших истребителей помешали бомбардировщикам врага, то не отошли бы.

– А как показали себя наши? – спросил я.

– Храбрость без мастерства. Снарядов выпустили много, а подбили и сожгли два танка и два штурмовых орудия. Мотострелковая рота, наоборот, стреляет мало, а от фашистской пехоты – море огня.

И как бы заканчивая ответ, проговорил:

– Мало учили. Доучивание в бою оборачивается кровью. Недаром говорят: больше пота в учении – меньше крови в сражении.

Артиллерийский и минометный огонь противника не ослабевал. Я впервые попал под него и в дальнейшем пришел к убеждению, что первое его восприятие у каждого свое, субъективно-индивидуальное, и что с накоплением опыта ощущения большинства людей выравниваются. А в тот момент свист и разрывы снарядов и мин как-то не вызывали во мне чувство опасности, не заставляли ни ложиться, ни пригибаться. Больше всего был поглощен стремлением понять, откуда противник ведет огонь: направление приблизительно улавливал, а дальность определить не мог. Восприятие того и другого и степени опасности пришло в последующие дни.

С таким ощущением я следовал за комбатом в мотострелковую роту, а затем к немецкому танку Т-IV, подбитому ротой Сокола.

С интересом осмотрели этот танк, который нам был известен по картинкам, а подполковнику Ободовскому – по боям. И потому, что картинка хорошо запомнилась, возникло подозрение.

– Пушка-то значительно длиннее, чем та, которую изображают фотоснимки в разведсводках, – заметил я. – Посмотрите, она выходит за носовую часть танка.

– Верно! Я сразу-то и не обратил внимания, – сказал подполковник Ободовский. – Это – другая пушка.

– Ствол удлинен, значит, увеличен и заряд, за счет чего повышена начальная скорость снаряда. Выходит, что броню «Матильды» этот танк будет пробивать уже на большей дальности, чем с укороченной пушкой, – подумав, сказал я.

А затем разговор перешел на другую тему.

– Фашистская авиация душит нас. Что если перейти к наступлению ночью? – спросил я командира батальона.

– Это очень рискованно, – ответил Ободовский. – Еще днем не научились наступать, куда же лезть ночью.

Встретили мы здесь и разведдозор бригады. Именно в этом подбитом танке командир дозора подобрал дневник и документы ефрейтора 33-го танкового полка, входящего в состав 9-й танковой дивизии. Дозору была поставлена новая задача: разведать район от Перекоповки до Спасского.

На вопросе о танках с длинноствольными пушками следует остановиться подробнее. Короткоствольные 75 мм пушки на танках Т-IV и тем более 50 мм на танках Т-III не оправдали себя в борьбе с нашими танками КВ и Т-34, значительно превосходившими по броневой защите немецкие танки. Поэтому фашистская Германия в 1942 году перешла на выпуск танков с длинноствольными пушками тех же калибров, оснастив их более мощными зарядами.

После возвращения к колонне бригады, я доложил полковнику об обстановке в батальоне и о том, что основная группировка противника, видимо, в районе Ильиновка, Голосновка и что можно бы нанести удар в обход ее с востока, в направлении Спасское, Чибисовка, Никандровка.

Разведдозор донес, что в районе рощ, 3 км южнее Перекоповки и высоты 314,6 противник не обнаружен. Бригада в этот район и выдвинулась. И теперь нас особо интересовала обстановка у соседа слева – 7-го танкового корпуса. Несмотря на настойчивые запросы в штаб нашего корпуса, некоторые данные мы получили только к часу 9-го июля. Правофланговая 3-я гвардейская танковая бригада его к исходу 8-го июля достигла рубежа 2 км южнее Ломова.

В связи с этим отмечу, что информирование бригад в штабе корпуса было поставлено слабо, даже командиры-направленцы ежедневно менялись. Позднее комплектование штаба комсоставом сыграло отрицательную роль.

У нас были свои болячки. Мы неумело вели разведку, поэтому до 10-го июля разведчики не взяли ни одного пленного. Непосредственно противостоявшего противника мы знали плохо. Усложняло управление неустойчивое функционирование радиосвязи, как следствие слабой подготовки радистов, так и малой дальности действия штатных радиостанций РБ и на «Матильдах», не превышавшей 7-ми километров. Лучших станций 9р на малых танках, обеспечивавших связь в телефонном режиме на 15 км, было всего шесть, но три из них обеспечивали разведку.

За первые дни боев выявились и другие недостатки, на устранение которых следовало нацелить коммунистов.

Во второй половине дня 8-го июля было проведено собрание парторганизации управления продолжительностью 25 минут. С кратким докладом выступил я, как секретарь партбюро. В докладе и выступлениях острой критике подверглись коммунисты начальник разведки, начальник связи, один из офицеров связи и некоторые другие.

В докладе мною были указаны и собственные недостатки и промахи. В решении собрания поименованным выше коммунистам было указано на недостаточно добросовестное выполнение своих обязанностей в боевой обстановке, на отсутствие инициативы и необходимой ответственности. В последующие дни эти товарищи улучшили свою работу.

А для меня последние двое суток стали своего рода начальным классом боевой учебы. Появилось чувство уверенности. Начал расставаться с академическим, наивно-упрощенным представлением о бое, увидел его не только как боевое мастерство, но и как человеческую трагедию.

При рассмотрении в те дни места и роли бригады в выполнении задачи, стоявшей перед корпусом, бросалось в глаза то, что корпус наступал как бы колонной, поскольку каждый день разворачивались и наносили удар силы не более бригады с последующим втягиванием в бой до половины корпуса. Если такой способ действий 6-го июля был вынужденным, то в последующие дни – ничем не оправданным.

Еще 7-го июля был отмечен переход противника к обороне, а утром 8-го он стал фактом на всем фронте корпуса. Это требовало нанесения ударов крупными силами на широком фронте, однако корпус наступал на узком фронте и не одновременно всеми силами, а последовательным вводом в бой бригад.

Такой ход боевых действий корпуса беспокоил командование армии. Вскоре после 12 часов 8-го июля на командный пункт бригады в Яковлеве неожиданно прибыли командующий армией генерал-майор Александр Ильич Лизюков и военный комиссар дивизионный комиссар Гай Лазаревич Туманян. Я встретил их у дома, в котором работал штаб, отдал рапорт и доложил, что начальник штаба ранен, а к командиру бригады направлен офицер.

(В первых танковых армиях, сформированных в мае 1942-го года, были введены первоначально должности военных комиссаров).

Взглянув на карту, развернутую на столе, командарм приказал доложить обстановку. Вскоре мой доклад был прерван вопросом:

– Какое у вас образование?

– Год тому назад окончил академию механизации и моторизации, – ответил я. В 1939 году слушал ваши лекции.

– Почему вы всего лишь старший лейтенант?

– Сразу после выпуска назначили младшим преподавателем той же академии, на фронте только второй месяц.

– Начальник академии генерал Ковалев у нас на стажировке в роли моего заместителя. Вот мы ему и наломаем бока за то, что он не заботится о воинских званиях преподавателей.

После такого начала мое волнение прошло и доклад по обстановке на 11 часов прошел нормально.

– Это точно, что сейчас все три танковые бригады не воюют? – спросил командарм.

– На 11 часов – точно. Данные получены от наших офицеров связи в 53-й и 59-й бригадах и из оперотдела штаба корпуса.

В этот момент прибыл и отдал рапорт комбриг, а генерал Лизюков передал по телефону распоряжение о прибытии командования корпуса на наш КП. В ответах на вопросы генерала Лизюкова полковник Шаповалов подтвердил доложенные мною данные обстановки.

– А как настроены люди? – спросил дивизионный комиссар.

– Хотят сражаться, досадуют, что третий день в хвосте боевого порядка корпуса, – доложил комбриг.

Затем он выразил недоумение в связи с отсутствием нашей авиации.

– Да, с авиацией пока плохо, но обещали ее, – ответил командарм.

Около 13 часов прибыли командир корпуса и начальник штаба. Военком полковой комиссар Е.С.Усачев находился еще в одной из бригад.

Понимая неуместность моего присутствия, я попросил разрешения выйти, но генерал Лизюков задержал, сказав, что буду нужен.

Взволнованный и несколько побледневший, Александр Ильич пригласил комкора к карте.

– Товарищ Попов, здесь правильно отображена обстановка?

– Неточно. У нас три с половиной бригады в бою за рекой Голая Снова и лишь половина одной здесь, в Яковлеве, – отметил Алексей Федорович.

– Полковник Калиниченко, разверните рядом вашу карту для того, чтобы сравнить обстановку, – потребовал генерал Лизюков.

Издали взглянул я на карту начальника штаба корпуса и... с облегчением вздохнул.

– На бригадной карте все верно. Недостает только того, что 59-я бригада в 12 часов начала переправу по восстановленному в Хрущеве мосту, да не показано положение 7-го танкового корпуса.

– Итак, за рекой Голая Снова наступает лишь одна 12-я мотострелковая бригада. И вчера воевали полторы бригады, – подытожил командарм. – Откуда же быть успеху? К тому же правый фланг у Ивановки, там его и надо прикрывать, а не резервом в тылу. О тыле – моя забота.

Наступила тягостная пауза, которую прервал генерал Лизюков.

– Вы, генерал Попов, еще вчера доносили, что бросили в бой все силы, подтвердили это в донесении сегодня утром, а воюете одной бригадой. Мои приказы об использовании всех сил корпуса для решения боевой задачи не выполнены. Врали по телефону и письменно, врете и сейчас.

Затем, обращаясь к Туманяну, командарм сказал:

– Гай Лазаревич, предлагаю генерала Попова от должности отстранить.

– Согласен. Вы, товарищ Попов, недисциплинированны, срываете выполнение боевой задачи, – решительно ответил военком.

Приказав полковнику Калиниченко вступить во временное командование до прибытия нового командира корпуса и пожелав бригаде успешных действий, командующий и военком ушли.

В дальнейшем, с конца августа 1942 года и до конца войны А.Ф.Попов командовал танковым и гвардейским танковым корпусами, в августе 1943-го года стал генерал-лейтенантом танковых войск. Из того, что произошло с ним в 11-м танковом корпусе, он, видимо, сделал соответствующие выводы. К сожалению, его рано сразила болезнь: в октябре 1946 года, в возрасте 50-ти лет, он умер.

9-12-е июля были днями напряженных боев всех бригад корпуса, наступавших с прежней задачей. В полном составе действовала и 160-я танковая бригада.

Из района северо-восточнее высоты 214,6, куда бригада вышла ночью, она должна была утром 9-го июля перейти в наступление в направлении Чибисовки, Никандровки. Решением командира бригады предусматривалось, что мотострелковый батальон при огневой поддержке танковых батальонов преодолет Сухую Верейку, овладеет рубежом Чибисовка, Высочкино и прикроет переправу танков. Одновременно были даны указания о порядке ведения огня экипажами «Матильд» по немецким танкам Т-IV с длинноствольными пушками.

Ночью и на рассвете разведдозоры установили, что противник занимает оборону по южному берегу Сухой Верейки, пойма которой заболочена. Поиск же бродов для танков начался тотчас, как забрезжил рассвет, так как мост севернее Чибисовки оказался разобраным противником.

Чтобы убедиться в достоверности этих сведений, я с разрешения полковника Шаповалова выдвинулся на танке Т-60 к реке. В рассветной дымке с помощью бинокля рассмотрел оборонительную позицию гитлеровцев, передний край которой в виде линии сплошных окопов проходил за поймой, непосредственно у построек Чибисовки и Высочкино. Наряду с пехотой, на позиции просматривались окопанные самоходные и противотанковые орудия, а глубже – бронетранспортеры. Это натолкнуло на вывод, что обороняется пехота, а не мотопехота.

Вблизи от бывшего моста мы с экипажем проверили грунт ломом: вязким и болотистым он оказался на 45 см и более, то есть непроходимым для танков. Требовалось найти броды или оборудовать мост. «Но когда? Ведь бригада уже двинулась к реке!» – досадовал я.

День обещал быть солнечным. Синее небо было почти безоблачным. При возвращении увидел подход большой группы фашистских бомбардировщиков, перестроение их в круг и начало бомбежки. Надежда на успех наступления таяла, и после моего доклада командир бригады дал командирам батальонов распоряжение по радио: мотострелковому – окопаться на занимаемом рубеже, автомобили рассредоточить в низинах и балке; танковым – завершить рассредоточение. Затем с досадой махнул рукой и сказал:

– Теперь противник не даст нам перейти Сухую Верейку. «Юнкерсы» продолжали пикировать и бомбить; начала огневые налеты и фашистская артиллерия. После первого авианалета, продолжавшегося 30 минут, вскоре последовал второй, а около десяти часов – третий. Мотострелки не могли двинуться, лишь танки меняли места. Во время второго налета зенитная батарея сбила один бомбардировщик и один повредила, который, снижаясь, скрылся за линией фронта.

Третий налет враг обрушил в основном на зенитную батарею, находившуюся от нас в 300-400-х метрах.

– Смотрите, в районе ее огневой позиции – сплошное облако пыли и дыма! – с болью проговорил полковник.

– И взлетающей земли. Бьет, вражина, безнаказанно, поднимает землю как вулкан. Беда! – досадовал старший батальонный комиссар Тушнайдер.

Личный состав батареи сражался героически. Понесли потери все расчеты. Геройски погибло 17 человек, в том числе командир батареи Иван Степанович Климатов, военком младший политрук Дмитрий Падиевич Гассиев и командир взвода – лейтенант Георгий Георгиевич Сахадзе. Получили ранения различной степени – 11 человек, в том числе: заместитель командира батареи лейтенант Петр Иванович Егоров, командир взвода лейтенант Иван Георгиевич Сахадзе. Как свойственно советским патриотам, в большинстве своем коммунистам и комсомольцам – они не дрогнули, вели огонь, пока были силы, и теплилась жизнь. Дружные братья Сахадзе являли собой образец трудолюбия в учебе и бесстрашия в бою. Оба орудия и один из двух пулеметов были выведены из строя.

Кроме вооружения зенитной батареи, в этот день были потеряны: подбитыми – пять танков, сожженными и подбитыми – до десяти автомобилей. Потери убитыми составили 35 человек, ранеными – 29. И не удивительно: в обстановке часто повторяющихся ударов авиации противника бригада находилась до 19-ти часов. Состоялось девять налетов. В каждом участвовало 16—20 самолетов.

Сильным ударам подверглись и другие бригады корпуса.

Поиск бродов на Сухой Верейке и слабо обороняемых противником участков продолжался. В тот день мне еще раз пришлось этим заняться, причем, в поиске пожелал участвовать помощник командира бригады по технической части инженер-майор М.И.Кедров. Выдвинувшись к реке на малом танке, по поросшей кустами балке, и оставив его в кустах, мы в трех местах между Спасским и Дмитриевкой, проверили пойму и русло на проходимость. На противоположном берегу, в удалении 250—300 м от реки просматривались окопы вражеской пехоты, но, действуя скрытно, мы не вызвали на себя огонь. А вот на третьей точке не повезло: пулеметная очередь противника зацепила правую руку Михаила Ивановича и перебила предплечье, да так, что торчал наружу кусок кости. Перетянув жгутом, скрученным из порванной рубашки, руку у самого плеча и привязав ее к шее, я дотащил Михаила Ивановича до танка и доставил в медпункт бригады.

Очень боялся за его жизнь из-за большой потери крови и думал, что руку ему вряд ли спасут. В то время ни с кем в бригаде я не был так близок, как с ним, человеком большой

образованности, сердечности и обаяния. Как же был рад, когда в октябре того же года, уже на новом месте службы получил от него письмо из госпиталя, криво написанное правой рукой! Врачи спасли ему не только жизнь, но и руку.

Во второй половине дня, сразу по окончании одной из бомбежек, полковник Шаповалов собрал комбатов и несколько командиров штаба в окопе, прикрытом танком, и, на примерах прошедших маршей и небольших боев, разобрал причины медлительности в действиях, низкой эффективности огня и слабого управления подразделениями.

– Впредь не должно быть того, что было сегодня утром, – строго сказал он, – когда бригада развертывалась в предбоевой порядок и рассредоточивалась полчаса, когда вы, командиры батальонов, не отвечали по радио или уходили от своих командирских танков неизвестно куда, а рядом с вами не было старших адъютантов.

Когда командир бригады предложил высказаться по вопросу о том, что следует еще предпринять для успешных действий бригады, то все комбаты заявили: без усиления средствами ПВО, без прикрытия истребителями, без авиационной и артиллерийской поддержки многого в бою добиться нельзя; танки же и мотострелки будут потеряны.

– Зенитной артиллерии в бригаде теперь нет. Авиации и командарм допроситься не может. Это – факт. А задачи бригада должна выполнять. От вас на этот счет я ничего не слышу, – сказал полковник.

Наступила пауза.

– Товарищ полковник, – обратился я, – в нашем положении есть лишь одно облегчающее средство. Это – ночное наступление, при котором преимущества противника в огне артиллерии резко уменьшаются, а в авиации – исчезают. Сначала не все будет гладко и этого не нужно бояться: после первого же опыта дело пойдет.

Меня поддержал командир мотострелкового батальона капитан В.И.Карпенко и военный комиссар Тушнайдер. Возразили командиры танковых батальонов, ссылаясь на то, что танковые подразделения к этому не готовы.

– А как вы это себе представляете? – задал мне вопрос комбриг.

– Так, как мы учили ночному наступлению танковые подразделения и части до войны. Разница будет лишь в следующем: поскольку на «Матильдах» нет giroкомпасов, то специально назначенные мотострелки, следуя за танками или между ними, будут и освещать местность и показывать экипажам ракетами направление атаки, определяя его по компасу.

Пресекая возражения, полковник подвел итог:

– Штаб предлагает дело, другого пути не вижу. Будем готовиться к ночному наступлению.

Пришло время рассказать о том, как себя показали английские танки МК-III «Матильда». К сожалению, надежная броневая защита оказалась единственным достоинством танка. Крупными недостатками его были: маломощность двигателя при значительной массе танка (на тонну веса танка приходилось 7,7 лошадиных сил против 13-ти на немецком Т-IV) и, как следствие, крайне недостаточная максимальная скорость (25 км в час против 40 км Т-IV), и плохая маневренность; низкая проходимость из-за высокого давления на грунт, вследствие узости гусениц и небольшого дорожного просвета. На пулемете фирмы «Беза» при небольшом перегреве ствола происходили обрывы гильз.

Механик-водитель, отделенный от остальной части экипажа перегородкой, при ранении не мог получить помощь и быть замененным другим лицом экипажа до снятия перегородки, на что требовался выход танка из боя.

Но мы понимали и разъясняли экипажам, что страна пока не в состоянии полностью обеспечить потребность в танках за счет советского производства, хотя искренне завидовали танкистам 2-го и 7-го корпусов, воевавшим на советских танках Т-34 и КВ.

И все же поиски бродов в этот день завершились успехом, который ожидал нас на участке Ильиновка, Спасское. Вблизи от северо-западной окраины Спасского, возглавлявший поиск

командир мотострелкового батальона, после удачного перехода вброд бригадного разведдозора Т-60, внезапной атакой мотострелковой роты захватил участок южного берега, разгромив до взвода пехоты.

Получив донесения дозора и капитана Карпенко, мы в штабе ликовали. Для уточнения обстановки перед принятием решения по распоряжению полковника Шаповалова начальники разведки, инженерной службы и я побывали на плацдарме. Это был уже исход светлого времени. От капитана Карпенко, раненого в бою за плацдарм, и разведдозора узнали о взятии в плен двух солдат и изъятии документов у убитых, принадлежавших 693 пехотному полку, входившему в состав 340-й пехотной дивизии. Имевшимися силами комбат организовал оборону на случай контратаки. Поскольку он нуждался в госпитализации, то я спросил, кто бы мог его заменить? Владимир Иванович ответил:

– Это – мой плацдарм. Отсюда дойду до Землянского, а потом можно и в госпиталь.

Появление не отмечавшейся ранее дивизии противника потребовало проанализировать его группировку. Были собраны и изучены данные о противнике также и перед соседями и доложены вернувшемуся в строй начальнику штаба майору Иванову.

– Перед корпусом в первом эшелоне обороняются по одному полку 377-й и 340 пехотных дивизий. Видимо эта свежая 340-я дивизия заняла оборону по южному берегу Сухой Верейки в последние сутки; один ее полк занимает участок на направлении наступления бригады, – докладывал начальник разведки.

– А где же 9-я танковая дивизия противника?

– Часть ее или вся она – во втором эшелоне. Очевидно, скопившиеся танки в районе Голосновка, Верхосновка и восточнее принадлежат ей.

Эти выводы о противнике были доложены полковнику Шаповалову, который стал уже больше считаться с мнением штаба.

– Значит, нам вести бой со свежим полком?

– Да, товарищ полковник, прорывать оборону свежего пехотного полка, возможно, усиленного, – ответил Иванов.

– Видимо, нельзя медлить, пока он основательно не зарылся, – заметил я.

– Да, в первой половине ночи соорудим мост, переправим бригаду и еще в темноте перейдем в наступление, – вслух думал командир бригады.

Однако командир корпуса, а теперь эту должность временно исполнял полковник Семен Петрович Мальцев, решил по-другому: для успешного наступления южнее реки предварительно разгромить противника в Ильиновке и Спасском. И все же мост мы построили, на плацдарм переправили еще одну мотострелковую роту и по взводу средних и малых танков.

В четыре часа 10-го июля усиленный 352-й танковый батальон во взаимодействии с 59-й танковой бригадой атаковал противника в северо-восточной части Ильиновки, и к 13-ти часам село было освобождено; обе бригады вышли здесь к реке. Успеху благоприятствовало то, что до пяти часов не появлялась гитлеровская авиация. 352-м батальоном был разгромлен батальон мотопехоты, захвачено четыре противотанковых орудия и два миномета.

Почти одновременно с нашим наступлением фашисты силами пехотного батальона при поддержке артиллерии контратаковали те подразделения мотострелкового батальона, которые обороняли плацдарм. В напряженном бою контратака была отбита, противник с потерями отброшен, но комбат получил второе ранение, к тому же тяжелое.

С капитаном Карпенко пришлось ближе познакомиться 20-го июля в районе Кандауровки, а затем часто общаться, когда он с 6-го июля заменил внезапно выбывшего комбата. Это был исполнительный, смелый и весьма инициативный командир, на которого можно было положиться.

В командование вступил военком батальона старший политрук Семен Петрович Толстенко.

А около десяти часов противником была предпринята еще одна контратака, на этот раз силами танкового батальона при поддержке артиллерии и группы бомбардировщиков; ее мы видели с наблюдательного пункта (НП), расположенного у опушки леса северо-восточнее Ильиновки. Колонна из 37-и танков Т-IV вышла из-за высоты 222,0 в направлении южной окраины Спасского, а в воздухе появились пикирующие бомбардировщики. Когда голова колонны поравнялась с плацдармом, взлетела трехзвездная сигнальная ракета, и все танки повернули налево, образовав боевую линию и открыв огонь.

– Товарищ полковник, роту Андрущака! – вскрикнул я.

– Да, да! – повелительно ответил полковник.

Я побежал к танку комбрига, вызвал по радио командира 353-го батальона капитана Ф.П.Васецкого и одновременно командира 2-й роты этого батальона старшего лейтенанта Андрущака и передал: «Первый приказал четвертому вперед, на юг – в линию! Ударить по фашистским танкам тяжелыми!» Андрущак ответил: «Я – четвертый, выполняю!»

Прошло менее минуты, как рота вышла из леса, с ходу развернулась в линию и остановилась на спуске, примерно в двухстах метрах от реки. Как раз танки противника подошли к ней на дальность 800—900 м. Все пять машин, вооруженных 75 мм пушкой, открыли огонь по гитлеровским танкам. Мы с волнением наблюдали, как первые снаряды прошли мимо целей, но вот от последующих выстрелов задымился, а затем вспыхнул вражеский танк, за ним второй. И снова взвилась трехзвездная ракета, все танки противника развернулись на 180° и на максимальной скорости, ведя огонь, начали удаляться. В ходе разворота был сожжен третий танк. Отойдя на безопасное расстояние, группа также одновременно повернула направо, образовала колонну и ушла на юго-запад, за высоту 229,8.

– Думали, дрогнем, не вышло! А как обучены, как все четко и быстро выполняют! – проводив взглядом исчезающую колонну, сказал полковник Шаповалов. – Какая управляемость!

– А, ведь, мы имели возможность, Иван Андреевич, тоже хорошо обучить наших танкистов, – заметил Тушнайдер. – Сейчас показала себя рота Андрущака, неплохо слажена бывшая рота Сокола. Другие же роты и батальоны в целом слажены слабо.

– Да, да! Сначала больше занимались не самым главным, а потом уже не хватило настойчивости снять запреты, – согласился полковник.

– Фашисты танки-то бережно применяют, на рожон не лезут. Почувствовали неладное и удалились, – сказал я, обращаясь к полковнику. – Если бы все «Матильды» были с 75 мм пушками, то нам было бы значительно легче.

– Надо особо бережно использовать эти пять танков, – решил комбриг.

По радио передали благодарность комбрига командиру и личному составу роты за смелые, быстрые действия и уничтожение трех танков врага. Пошла шифровка командиру корпуса о подвиге роты и представлении на награждение старшего лейтенанта А.А.Андрущака и его подчиненных. На следующий день пришло сообщение, что старший лейтенант Андрущак награжден орденом Красного Знамени. Он был первым воином нашей бригады, получившим столь высокую награду.

Вскоре командир корпуса совершил маневр 53-й тяжелой бригадой с правого фланга на левый, которая, усилив наш мост, одним батальоном переправилась на плацдарм и расширила его в сторону Дмитриевки, а другим, совместно с нашим 353-м батальоном, атаковала противника в Спасском. С потерями он отошел на юг, оставив в селе несколько орудий и тягачей. В этом коротком бою особо отличился старшина 1-й мотострелковой роты В.М.Рыбалко. Он уничтожил автоматчика, взял пленного и вынес с поля боя раненого командира роты.

Так северный берег Сухой Верейки был очищен от гитлеровцев.

В середине этого дня полковник Мальцев побывал на НП бригады. Мы его увидели впервые. Среднего роста, сухой, темноглазый, подвижный, он быстро говорил и сопровождал свою речь жестикующей. Сложилось впечатление, что по характеру он человек мягкий. До вступ-

ления во временное командование корпусом полковник был начальником штаба 2-го танкового корпуса.

Комкор кратко заслушал командира и комиссара бригады, в основном согласился с их оценкой противника, ответил на вопросы и затем уточнил боевую задачу. К концу разговора он откровенно признался:

– С использованием плацдарма у Спасского, мы неоправданно задержались. Будем наверстывать.

Во второй половине дня, в условиях снизившейся активности гитлеровской авиации, наша и 53-я бригады переправились на плацдарм, и с 17-ти часов перешли в наступление. Одновременно частью сил из Федоровки атаковала 59-я бригада. К 20-ти часам все три бригады вышли полкилометра северо-восточнее Малой Покровки и на северные скаты высот 229,8, 210,9, разгромив два батальона пехоты, не менее пяти батарей противотанковых орудий как буксируемых, так и самоходных, и столько же минометных батарей. На долю нашей бригады, с учетом боя в Спасском, пришлось не менее батальона пехоты, три танка и штурмовых орудия, до десяти противотанковых орудий, две минометные батареи и до десяти автомашин. Были взяты в плен солдаты из того же 693-го пехотного полка 340-й пехотной дивизии.

Наступление бригады, как и в целом корпуса, 10-го июля в сравнении с предыдущими днями было успешным. Вместе с тем это был день подвигов многих воинов.

Командир танкового взвода младший лейтенант С.И.Зубарев в ходе вечернего наступления сжег танк, штурмовое орудие и уничтожил противотанковую пушку. Механик-водитель этого танка старший сержант Н.М.Данчиков умело маневрировал танком в атаке. Семь вмятин на броне от вражеских снарядов насчитал экипаж после боя.

2-я мотострелковая рота, атакуя за танками 353-го танкового батальона, уничтожила и пленила десятки фашистских пехотинцев атакой во фланг опорного пункта. Умелый и храбрый командир роты старший лейтенант Гаруля, будучи раненым, продолжал командовать ротой до конца боя.

Эти и другие, особо отличившиеся воины, были представлены к наградам.

Потери бригады составили: убитыми и ранеными – до 70-ти человек, танков сгоревших – два, подбитых – один.

Полковник Шаповалов на этот раз без колебаний решил организовать наступление ночью. Его решение поддержал командир корпуса и приказал всем танковым бригадам готовиться к наступлению с двух часов 11-го июля, а мотострелковой бригаде, обороняясь между Ивановкой и Ильиновкой, прикрыть правый фланг корпуса.

Перед принятием решения штаб двумя группами командиров провел рекогносцировку, в ходе которой группа, которую я возглавлял, встречалась с командирами рот и взводов в 352-м танковом и 160-м мотострелковом батальонах. Это позволило не только изучить оборону противника, но и выяснить отношение личного состава к ночному наступлению.

– Товарищ младший лейтенант, что вы думаете о наступлении ночью вот здесь, на вашем направлении? – обратился я к командиру танкового взвода 2-й роты.

В это время подошли два экипажа и вызванный из впереди оборонявшейся мотострелковой роты командир взвода.

– Стрелять будем куда попало, а механики завалят машины в ямы, – ответил командир-танкист.

– А если вот стрелки вам осветят местность ракетами, ими же укажут направление движения?

– Тогда – другое дело: поведем танки и в воронки не попадем, – вмешался в разговор его механик-водитель.

– А что вы думаете? – спросил я командира стрелкового взвода.

– Осветить можем, если будут ракетницы и ракеты, но все же лучше бы днем.

– Но днем-то авиация и артиллерия нам не дают ходу, а ночью-то авиации не будет и артиллерия гитлеровцев точный огонь не сможет вести.

– А что, ребята, ночью, пожалуй, лучше, – обращаясь к своим экипажам, высказался младший лейтенант.

Его поддержали.

Как мы установили, оборона противника выглядела слабее перед левым флангом бригады, поэтому полковник Шаповалов решил главный удар нанести в направлении высот 210,9; 210,4 левофланговым 352-м танковым батальоном, усилив его большей частью мотострелкового батальона.

При постановке задач он подробно остановился на тесном взаимодействии танков и мотострелков, организации освещения и ориентирования, словом, дал указания по ведению боя, а также по всем вопросам, разработанным штабом.

В установленное время бригада двинулась в наступление. И тут же штаб корпуса сообщил, что соседним бригадам – 59-й справа и 53-й слева – командир корпуса разрешил начать атаку на рассвете. Мы огорчились, а полковник Шаповалов при этом заметил, что полковника Мальцева кто-то уговорил. Так уверенность в успехе корпусного удара поколебалась.

Когда танки вышли на линию мотострелковых подразделений и единый, боевой порядок двинулся, то с закрытых позиций открыли огонь прямой наводкой и артиллерийская, и минометная батареи. Началось освещение местности. Тотчас начали стрельбу танковые и мотострелковые подразделения. Дружная согласованная атака танков и мотострелков в сочетании с мощным «Ура!» оказалась неожиданной для фашистов.

Оперативная группа штаба во главе с комбригом перемещалась на танках скачками за правым флангом 352-го батальона, в 100—300 метрах сзади цепи мотострелков. Огонь со стороны фашистов был слабым и беспорядочным, противотанковые пушки стреляли наугад, а артиллерия, стоявшая на закрытых огневых позициях, в начале атаки молчала.

Сначала комбриг находился сверху на башне и вел наблюдение, а я принимал по радио донесения, докладывал ему и передавал его распоряжения. Вскоре он сам начал переговоры, подбадривая комбатов:

– «Зима», «Весна», работаете нормально, но лучше бы побыстрее.

Батальоны докладывали о десятках убитых и плененных фашистов в основном из упоминавшегося выше 693-го пехотного полка, захвате противотанковых пушек, минометов, стрелкового оружия.

Многие экипажи танков отличились в этой ночной атаке. Например, экипаж во главе с младшим лейтенантом Деминым уничтожил противотанковую пушку и минометный взвод и совместно с взаимодействовавшим с ним мотострелковым взводом разгромил до взвода пехоты. Командир башни 352-го батальона старший сержант В.С.Щербак, умело ведя огонь, уничтожил две противотанковые пушки.

А противник пришел в себя и постепенно стал наращивать огонь. Начала стрельбу с закрытых огневых позиций артиллерия, и ее огонь становился все точнее. И все чаще нам приходилось закрывать люки.

Подбежал со следовавшего рядом второго командирского танка комиссар бригады, поднялся на наш танк и с радостью заговорил:

– Наконец-то, Иван Андреевич, и у нас состоялось наступление. Хорошо, идем!

– Торжествовать еще рано, Фроим Исаакович, противник сильнее нас, без соседей далеко не уйдем, – ответил полковник. – И после паузы сказал:

– Похоже, отстают Васецкий Мы не видим задних габаритных фонарей его танков, хотя докладывает, что все нормально.

– Пожалуй, я направлюсь к нему, – спрыгивая и перебегая на свой танк, сказал Тушнайдер.

- Не попадай к немцам, заходи к комбату из глубины, – напутствовал полковник.
- Само собой, – ответил военком.

Когда на рассвете бригада достигла рубежа полкилометра юго-западнее высоты 229,8 и высоты 210,4, перешли в наступление соседние бригады, но продвигались они крайне медленно, так как противник их встретил уже достаточно организованным огнем. Напряженный бой развернулся от Малой Покровки до Чибисовки. К пяти часам соседи приблизились к нашим флангам.

У нас же после четырех часов начало теряться управление. Командир 352-го батальона подполковник Ободовский был тяжело ранен; его танк получил пробой в башне. В командование вступил комиссар батальона, но вошел в связь с командиром бригады только через 20 минут.

Сообщение о ранении подполковника Ободовского мы восприняли с большой болью. Василий Владимирович был знающим, опытным танкистом, ранее командовал танковой бригадой и был ранен. После госпиталя ему предложили должность заместителя командира бригады, но он попросился на батальон. Ему пришлось разделить участь многих танкистов: после излечения, с конца 1942-го года, он командовал танковым полком и в июне 1944-го года умер от ран.

Примерно в то же время на танке командира 353-го батальона вышла из строя радиостанция; меняя танк, капитан Васецкий долго не входил в связь. Ввиду этого некоторое время пришлось отдавать распоряжения непосредственно танковым ротам.

К пяти часам удалось восстановить управление, уточнить задачи батальонам, и бригада возобновила движение вперед. Но в это же время враг начал удар 27-ю бомбардировщиками по всем трем танковым бригадам, продолжавшийся 40 минут. Всего же, в течение 11-го июля, фашистская авиация совершила по корпусу более десяти сосредоточенных ударов. В общей сложности это около трехсот самолето-вылетов. Одновременно сильный и точный огонь открыла артиллерия, причем, только по нашей бригаде вели огонь два-три дивизиона.

Два малых танка нашей оперативной группы в целях безопасности шли сзади в 100 метрах. Полковник Шаповалов держал связь с комбатами, а я занял место командира башни, то есть спустился ниже его и стал просматривать оборону противника. Справа на опушке леса разглядел противотанковую пушку, стрелявшую по танкам 353-го батальона. Хотел, было, открыть по ней огонь, но тут прямо по курсу танка увидел развертывающиеся штурмовые орудия – насчитал их шесть. Дал команду лейтенанту Козлову, располагавшемуся на месте башенного стрелка, зарядить пушку бронебойным снарядом, а механику сделать короткую остановку. Навел в среднее орудие, выстрелил – недолет. Внес корректуру, вновь выстрелил – цель! Машина противника задымилась. Вторая машина загорелась со второго попадания. Доложил комбригу.

Полковник приказал поменяться с ним местами. Он стал стрелять, а я, взяв на себя радиосвязь, через оптические приборы командирской башни начал рассматривать наши батальоны. Оказалось, что боевая линия танков сзади нас и остановилась, причем, в обоих батальонах несколько танков горят; не видно и Т-60 из нашей группы. И тут с опозданием понял свою ошибку, которая, в конечном счете, оказалась непоправимой. Вместо того чтобы вести наблюдение и докладывать командиру бригады о действиях своих подразделений, соседей, а также противника, держать свой танк за батальонами, я в ответственный для управления момент превратился в рядового члена экипажа! Понял и то, что авиация и артиллерия противника сделали свое дело: наступление бригады застопорилось. Видел, что остановился и сосед слева – 53-я тяжелая танковая бригада.

Доложил по переговорному устройству полковнику и приказал лейтенанту Козлову свернуть танк вправо в рожь и остановить. Связавшись с командирами батальонов, успел передать в 352-й батальон распоряжение: «Зима», первый приказал тотчас вперед!»; одновременно

видел, как мехводитель старший сержант Хахаруз Арсланов отвел танк вправо, ввел его в рожь и произвел доворот лобовой частью в сторону противника. И тут я почувствовал и услышал сильный удар по танку и взрыв. Инстинктивно посмотрел вниз боевого отделения: Петя Козлов неподвижно привалился к пушке, его голова – на гильзоприемнике; полковник что-то пытался ему сказать.

Несколько раз подал команду мехводителю на остановку танка, но ответа не получил. «И Хахаруз погиб!» – мелькнуло в голове. Решил открыть люк и просить полковника покинуть танк. Но в этот момент ощутил новый удар, взрыв, сильный болезненный толчок в правое бедро; башню быстро заполнило пламя.

Попытался открыть люк – не открывается. Комбриг рвется ко мне: оба в огне! В голове – страшная мысль: «Люк заклинило!» Поставил на сидение левую ногу, оттянул шнур замка башни и сильно ударил второй рукой и головой вверх по люку. Люк открылся, а пламя обогнало меня. Вывалился на крышу моторного отделения, и, хотя правая нога не слушалась, тотчас встал на левую, чтоб помочь полковнику. Но от толчка, вызванного то ли взрывом, то ли креном, свалился на землю, в рожь.

Острая боль сначала парализовала движение, но, преодолевая ее, встал, чтобы догнать медленно уходящий танк. И вижу, что по ржи навстречу приближаются гитлеровские автоматчики. Присев, бесчувственной, обожженной правой рукой достал револьвер и дважды выстрелил в ближайшего фашиста. Он вскрикнул, присел или упал – во ржи не было видно. Сменил место и выстрелил во второго, пославшего очередь по тому месту, где я перед этим присел; потерял и его. Выждав, вновь устремился к танку; он уходил все дальше, объятый пламенем. «Где же комбриг?» Прыгая на левой и подставляя правую ногу, продвинулся по следу гусениц во ржи на 50—70 м. Полковника нигде не было! В бессильном отчаянии опустился на землю.

Немецкие крики вернули к реальности. Своих – не видно и не слышно. Надо искать выход, надо бороться. Стал медленно передвигаться в обратную сторону и... потерял сознание...

Бригада закрепились на достигнутом рубеже. В командование вступил майор Н.Т.Иванов. В середине дня полковник Мальцев приказал временно перейти к обороне и подготовиться к возобновлению наступления. Но в 18 часов из района к северу от Никандровки противник нанес контратаку силами 27 танков и двух батальонов мотопехоты при поддержке бомбардировщиков и нескольких дивизионов артиллерии, из них против нашей бригады – 15 танков и половина других сил. Контратака была отбита, 7 танков противника подожжено, но бригады несколько отступили.

В ночь и в течение дня 11-го июля противнику был нанесен немалый урон. Только наша бригада разгромила до двух рот пехоты, уничтожила два штурмовых орудия «Артштурм», две батареи противотанковых орудий, три минометные батареи и три танка.

День 11-го июля стал кровавым днем. В бригаде было убито и ранено более трехсот человек. Велики оказались потери командного и политического состава. Были ранены, помимо упоминавшихся выше, командир 353-го танкового батальона капитан Федор Прокопьевич Васецкий, старшие адъютанты двух батальонов, многие командиры рот. Пропал без вести командовавший мотострелковым батальоном и старший политрук Семен Петрович Толстенко. Только сгорело 13 танков и столько же эвакуировано подбитых. В строю осталось восемь средних и пять малых танков.

С середины дня 12-го июля противник группировкой, включавшей до 70-ти танков, пехоту, мотопехоту и артиллерию, при мощной поддержке авиации, нанес удар в междуречье Голая Снова, Сухая Верейка, в промежуток между 11-м танковым корпусом, имевшим большие потери, и 340-й стрелковой дивизией в общем направлении на Перекоповку. В связи с угрозой выхода этой группировки в тыл, полковник Мальцев отдал приказ об отходе на северный берег Кобыльей Сновы. К концу дня бригада отошла и заняла оборону 1,5 км запад-

нее Перекоповки, по ее южной окраине до Озерков, удержав Перекоповку и имевшиеся здесь мостовые переправы.

О действиях бригады и корпуса после пяти часов 11-го июля узнал лишь в сентябре. А пока...

...Очнулся, когда солнце спускалось к горизонту. Невыносимо болело сожженное тело, а в правом бедре и выше его чувствовалась глубокая боль. Мучительно хотелось пить.

Постепенно память возвратила к утренним событиям. С трудом сел и... согнал с себя рой больших зеленых мух, которые, однако, тотчас вернулись. Часов не было, на покрытой пузырями руке, болтался полусгоревший левый рукав, но ладонь сохранила чувствительность. Правая сторона обмундирования выгорела, сапоги, ремень и сумка подгорели, но держались. Правая рука – коричнево-бордово-черная, без кожи, в трещинах, не чувствует и больше всего болит. В уцелевшем левом кармане гимнастерки сохранился партбилет.

Вокруг – высокая густая рожь. А где наши? Близо по дороге идет гусеничная машина: люди на ней говорят по-немецки. Неужели наши отошли? Досада и тревога подкатились комом к горлу. Но заговорил разум: надо пробираться к своим!

В сумке – две топокарты с нанесенным на них положением сторон и боевыми задачами.левой рукой и зубами снял полусгоревшую гимнастерку, оторвал левый рукав рубашки, надел на правую кисть и вставил в ладонь револьвер. Нашел в левом кармане брюк спички и зажег карты. Пламя оказалось значительным, поэтому пришлось отползти, расправляя за собой рожь. Невдалеке залпами стреляла батарея; по командам понял, что она – вражеская.

Выходить решил ночью, двигаясь на северо-запад, где расстояние до поймы Сухой Верейки самое короткое, а в ней боевой порядок у гитлеровцев менее плотный.

Пока ждал ночь, наряду с физической болью росла душевная: стремился на фронт, совершил ничтожно мало, а сам побит, да еще попал в ловушку. Давили моральная боль, чувство вины за неисполненный долг.

Наступили сумерки, появились первые звезды, а затем и Большая Медведица – известный ориентир для обнаружения Полярной звезды. Двинулся, подтаскивая правую ногу левой рукой с помощью жгута из соломы.

Шел очень медленно. Через пару часов ногу смог немного переставлять. Часа через три вышел в ложину, перешедшую затем в овраг, который через час движения расширился, берега его понизились, появилась мокрота и камыш. Это была заболоченная пойма Сухой Верейки, в которую вышел на заре. В дымке за рекой узнал Ильиновку, а справа – Федоровку. Не помня себя, быстро раздвинул камыш и с жадностью припал к воде, хотя она была ржавой, пахучей.

Не менее часа потратил на переход поймы, двигаясь по пояс в воде и жиже, вытаскивая и перетаскивая левой рукой увязавшую раненую ногу; к этому времени – почти рассвело. Слева, метрах в ста, на улице стоял немецкий танк. Ускорил шаг и прислонился к сарайчику ближайшей хаты. Вышедшая на двор женщина сначала испугалась меня, но узнав, кто я, наполнила.

– Боже мой! Что эти изверги с вами сделали! – с сердечным сочувствием проговорила она.

– В деревне они есть?

– Не знаю. Вчера, ближе к ночи, ворвались снова, а наши отступили к лесу.

Утолив немного жажду, бодрее зашагал через огороды в поле, а она сквозь слезы проговорила:

– Дай вам бог счастья попасть к своим.

Едва отошел метров на 250—300 в направлении Перекоповки, как подвергся обстрелу из оставшейся позади Ильиновки. Стреляли двое из винтовок. Пули ложились близко, но, к счастью, мимо, так как после каждой неуклюжей перебежки отползал в сторону. «Если фаши-

сты начнут догонять, то не уйду», – с горечью думалось мне. Но с удалением на значительное расстояние стрельба прекратилась; погони не было.

В Перекопке оказались наши, попал прямо к автомашинам подразделений тыла бригады. Шоферы сначала недоуменно посмотрели на руку с револьвером, но затем по моей просьбе осторожно разжали ее и вложили револьвер в кобуру. На соломе, в кузове грузовика они отвезли меня в бригадный медпункт. В пути снова наступило забытие...

Очнулся на перевязочном столе. Тело чем-то обмазывали и накладывали повязки. Рядом со столом был бригадный врач Кахидзе. Выяснив, могу ли я говорить, он спросил:

– Где полковник Шаповалов?

– Иосиф Андреевич, передайте в штаб, что в Ильиновке противник, а у нас до Перекопки никого нет, – тихо сказал я ему. – Комбриг тоже был ранен и не смог выбраться из танка. Петя Козлов и мехводитель Хахаруз были убиты первым снарядом. Все трое сгорели.

Именно так думалось мне на основании описанных выше событий. Однако во время работы над архивными материалами в 1986 году из учетной карточки полковника Шаповалова узнал, что он, к великой радости, жив. Обгоревший и раненый, он попал в плен и после освобождения в 1945 году проходил службу на преподавательской работе. В 1948 году он уволился в запас по возрасту.

По этапам эвакуации 16 июля я попал в сортировочный госпиталь в Тамбове. Видимо, потому, что мог только стоять, причислили к легко раненым и почти трое суток везли до этого госпиталя в товарном вагоне. На мне, кроме повязок, были только трусы и сапоги, а в левой руке – сверток из остатков гимнастерки с партбилетом. В вагоне как раз и обнаружились последствия хозяйничанья мух – поползли опарыши, вследствие чего старался держаться в стороне от всех. В Тамбове, как и положено легко раненым, они по команде покинули вагон, а у меня после пятисуточного стояния ноги отказали. Ждал минут десять и затревожился: а, что, если с порожняком увезут куда-нибудь? На колене и левом локте добрался до двери и крикнул:

– Эй вы, верхогляды, я еще жив...

Очнулся на столе госпитальной перевязочной. Рядом стояла женщина-врач.

– Займемся перевязкой, товарищ командир.

– Доктор, – умоляюще сказал ей, – избавьте меня от мушиного потомства. Я слышу, как они буравят мое тело.

– Обязательно.

Два часа эта женщина терпеливо отмачивала прикипевшие повязки, очищала ожоги и раны, причем делала это так, что не ощущалось сильной боли. Какое же сердце было у этой женщины, если она обращалась с незнакомым ей человеком как с родным сыном! Разве такую забудешь! Попутно и успокоила, показав, какую пользу принесло это самое «мушиное потомство».

В операционной, после удаления осколков, хирург сказал:

– У нас госпиталь сортировочный, я удалил осколки поверхностные, которые мешают. Глубокие вам удалят на месте постоянного лечения.

Он показал сосуд, в котором лежало шесть осколков разных размеров из листовой дутой бронзы.

Подумал, было, что они – от гильзы снаряда, но тут же отверг это предположение; бронза была достаточно толстой. Сидение?! Да, оно: взрывом разнесло подо мной бронзовое сидение!

Из Тамбова санитарный поезд, шедший целых две недели, доставил в Кемерово. В эвакогоспитале, развернутом в корпусах коксохимического техникума, удалили из правого бедра еще четыре глубоко проникших осколка.

С улучшением самочувствия не было, кажется, дня без раздумий над прошедшими боями. Конечно, врагу бригада нанесла определенный урон, разгромив более двух батальонов

пехоты и мотопехоты, уничтожив 13 танков, 5 штурмовых орудий, 42 противотанковых орудия, пять минометных батарей, три самолета, более десятка тягачей и автомашин. Несравненно больший урон нанес в целом корпус.

Но почему бригада и корпус свои боевые задачи не выполнили?

Раздумья высветили много причин и ошибок. Бегло те и другие по ходу повествования уже упоминались. Это – серьезные недостатки в управлении, выразившиеся в поспешных и в большинстве случаев запоздалых решениях, в переходе в наступление без должной подготовки, в неумелой организации разведки и связи. Это, далее, слабость бригадных и корпусных ударов в первые дни боев, обусловленная недостаточным выделением сил в первые эшелоны. Это также невысокая подготовка ряда штабов и комсостава и слабая боевая выучка подразделений.

Однако не находил объяснения таким явлениям, как отсутствие авиационной поддержки и истребительно-авиационного и зенитно-артиллерийского прикрытия; мизерное усиление артиллерией и инженерными средствами; ввод в сражение корпусов по частям. Одно не вызвало сомнений: они не зависели от бригад и корпуса.

Лишь через немалое число лет после войны при изучении ряда публикаций и архивных материалов раскрылись для меня причины этих явлений. Не занимаясь исследованием, укажу лишь на самые существенные.

Несмотря на то, что Ставка ВГК в конце июня передала 5-ю танковую армию в состав Брянского фронта, она организацию контрудара взяла на себя. Задача армии была поставлена директивой Ставки в обход командования и штаба фронта, что последними было воспринято, как снятие с них обязанности командовать ею. Фактически руководство контрударом осуществляла Ставка.

Что касается усиления, поддержки и обеспечения армии, то Ставка ограничилась лишь двумя указаниями. Первое: возложила прикрытие с воздуха на авиагруппу генерала Ворожейкина, входившую в состав 2-й воздушной армии Брянского фронта, подменив его командование в этом вопросе. Но курьез состоял в том, что группа Ворожейкина не могла прикрыть, так как не имела истребителей, а располагала лишь ночными бомбардировщиками У-2²¹. Второе: обязала фронт осуществить материально-техническое обеспечение армии. На авиационную поддержку и усиление артиллерией фронт задач не получил, хотя во 2-й воздушной армии имелось 77 штурмовиков Ил-2 и в непосредственном подчинении фронта – 8 полков и 3 дивизиона реактивной и 6 полков ствольной артиллерии. Армия получила лишь полк реактивной и полк легкой пушечной артиллерии.

Не может быть оправдано и невнимание командования фронта к усилению и поддержке войск армии: ведь танковую армию из его подчинения никто не выводил.

Наконец, командарм был лишен инициативы в выборе времени и, особенно в определении способа действий. В директиве Ставки указывалось: «Операцию начать не позднее 15.00 —16.00 5.7.42 г., не ожидая сосредоточения всех сил армии... Для участия в операции, прибывающие танковые бригады 2 и 11 танковых корпусов, вводить побригадно, развертывая их восточнее 7 тк».

Во-первых, к указанному времени корпуса не успевали, так как перевозка их по железной дороге затянулась до утра 7-го июля. Во-вторых, против крупной группировки противника, действовавшей на широком фронте, нанесение контрудара последовательным вводом корпусов, а в корпусах – бригад не обеспечивало сколько-нибудь значительного превосходства над противником и, следовательно, не сулило успеха. Лишь массированный танковый удар всеми силами армии при соответствующей артиллерийской и авиационной поддержке и прикрытии от ударов авиации противника мог привести к достижению цели контрудара.

3 сентября я покинул госпиталь и прибыл в управление кадров Автобронетанковых войск в Москву. С разрешения руководства управления побывал в бригаде, находившейся в резерве западнее Ефремова. Теплой была встреча с боевыми товарищами.

В бригаде и батальонах все командование обновилось. Тяжело воспринимались потери боевых товарищей. Весьма больно отозвалась в душе гибель генерала А.И.Лизюкова, павшего 25-го июля. Он остался в памяти не только беспредельно храбрым, волевым, энергичным, образованным генералом, но и простым и доступным для людей.

В бригаде меня поздравили с присвоением звания «капитан», в отделе кадров фронта вручили медаль «За боевые заслуги» – первую, а потому особо памятную боевую награду.

Глава вторая. Под старой Руссой

Рождение полка

– Вам в Могилу? – спросил младший лейтенант, с которым свел меня дежурный помощник военного коменданта станции Владимир.

Видя мое смущение, он, улыбнувшись, переспросил:

– Вы ведь в 239-ю бригаду? Штаб ее в деревне Могила, километров десять от города в сторону Москвы.

– Да, в бригаду.

– Тогда поехали! – проговорил он, приглашая в кабину полуторки, кузов которой был занят парнями в штатской одежде. – Я тут встречал команду призывников для своего мотострелкового батальона.

Так вечером 13-го сентября 1942-го года я прибыл во вновь организуемую танковую бригаду на должность начальника штаба. Через несколько дней она была перемещена решением командования Костеряевского учебного танкового лагеря, в число формирований которого входила, в более емкое и удобное место – село Боголюбово, в десяти километрах на восток от города Владимира.

Командиром бригады был назначен сорокалетний подполковник И.Н.Ершов. Небольшого роста, коренастый, с приветливым взглядом голубых глаз, он располагал к откровенному и непринужденному разговору. Кратко расспросив о службе, образовании и участии в боях, Иван Николаевич сказал:

– Мы с комиссаром здесь уже полмесяца. Нам всем, считайте, повезло: штаб образовался раньше батальонов, значит, есть кому формировать и обучать бригаду.

– Каким временем мы располагаем?

– Фронтам на юге тяжело, там нужны резервы. С момента получения танков, надо думать, больше трех-четырёх недель не дадут.

В эти дни, как и год тому назад, в Москве, когда фашисты к ней рвались, все мы с тревогой смотрели в сторону Сталинграда и Кавказа, куда враг продвигался.

Позже узнал, что Иван Николаевич в прошлом – уральский рабочий, уже более 20-ти лет служит в Красной Армии, с 1929-го года – в танковых войсках. Последовательно пройдя службу от командира танка до командира танковой бригады, приобрел большой практический, а в боях с гитлеровцами – и боевой опыт, вполне восполнявшие его скромное курсовое образование.

Здесь, в отличие от предыдущей бригады, заместитель и помощники начальника штаба подобрались более подготовленные: все они окончили нормальные училища и имели боевой опыт. Это позволило мне заниматься боевой подготовкой повседневно: горький урок слабой выучки подразделений предыдущей бригады не забывался.

С прибытием маршевых танковых рот были укомплектованы танковые батальоны, и боевая подготовка развернулась во всю ширь. К большой радости, бригада комплектовалась средними танками Т-34 и легкими Т-70 советского производства.

Направление и темп всему учебному процессу задавал командир бригады; находили у него поддержку и инициативы штаба. Он поддержал, например, предложение штаба провести вслед за обычными учениями и учения с боевой стрельбой.

– Хотя бы ротные учения с боевой стрельбой провести – уже успех, – говорил он при рассмотрении плана. – Но где? Не везти же танки за сто с лишним километров по железной дороге в Костерево.

– Попытаемся найти место где-нибудь поближе, – пообещал я.

В поисках района для стрельб мы с заместителем начальника штаба капитаном В. М. Контрибуцием остановили свой выбор на обширном колхозном лугу, в излучине реки Клязьмы, на противоположном берегу которой находился лесной массив глубиной 5—6 км, обеспечивавший минимальное излетное пространство для снарядов.

За получением разрешения обратились к председателю колхоза, а затем вместе с ней посетили председателя сельсовета. Обе женщины пошли нам навстречу.

– Только земляные валы между лугом и селом не трогайте, – потребовала председатель сельсовета. – Они вместе с монастырем объявлены памятником старины.

– А что тут было? – спросили мы.

– Дворец Андрея Боголюбского в окружении валов и рвов с водой на берегу Клязьмы, которая тогда протекала рядом, а затем отошла. Монголы в XIII веке его разрушили. Сохранились здания монастыря и церкви, а от дворца – одна из башен, в которой у нас находится музей, носящий имя князя.

С некоторыми ограничениями, которые существенно не повлияли на качество, удалось выполнить на этом лугу все стрельбы и ротные учения с боевой стрельбой. Предварительно нами было вывезено на колхозные фермы заготовленное и состогованное сено.

А музей заинтересовал. Несмотря на занятость, я и Виктор Мефодьевич в тот же день отыскивали учительницу, которая ведала музеем, побывали в нем и послушали ее рассказ.

И только тут до меня дошло, где мы находимся. Проездом видел богатство архитектуры Владимира и вот – Боголюбове! Это же центр Владимиро-Суздальской Руси, одна из жемчужин нашего древнего наследия! Читал, помню, но из-за ратных забот чуть не прошел мимо.

В эти дни уже начались поездки личного состава для ознакомления с историей и архитектурой города Владимира; был к этому подключен и местный музей.

В октябре с командирами штаба побывал во Владимире и я. Впечатление от увиденного осталось на всю жизнь. А какие чувства вызвало это соприкосновение с памятниками старины у воинов, вскоре узнал в разговоре с танкистами.

– Сначала здесь мы вроде ничего особенного не замечали. А теперь для меня Владимир и Боголюбове так же близки, как родная Рязань, – ответил сержант, командир башни.

– Да и мне – тоже. Я как будто побывал на своей Смоленщине, – высказался механик-водитель. – Душа изболелась за такую же великую нашу красоту. Крепостная стена, красавец-собор, называющийся тоже Успенским, как во Владимире – это только в Смоленске! Небось, еще злее разграбили и порушили все это фашисты, чем монголо-татары вот здесь, семьсот лет назад.

Месяц продолжалась подготовка комсостава и специалистов и боевое слаживание рот и батальонов. Но неожиданно многое из того, что делалось, особенно по тактической выучке батальонов, пропало зря. С 18-го по 20-е октября по распоряжению из центра мы бригаду переформировали в танковый полк. Это, конечно, вызвало разочарование: ведь по степени обученности она была уже близка к тому, чтобы вступить в бой.

Полк имел ротную организацию: две роты средних, рота легких танков и несколько подразделений обеспечения; вместо 65-ти танков теперь было 39, в том числе 23 средних. Командование бригады стало командованием полка с небольшими перемещениями: я был назначен заместителем командира полка, капитан Контрибуций – начальником штаба, военком, старший батальонный комиссар С. В. Коллеров – заместителем командира по политической части.

Без существенного перерыва, в прежнем темпе было продолжено обучение подразделений, но по измененной тематике, обусловленной предназначением полка – непосредственная поддержка пехоты. Но принятое ранее направление в боевой подготовке – сочетание тактических действий с боевой стрельбой и управлением огнем – сохранилось.

(Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9-го октября 1942-го года было установлено полное единоначалие и упразднен институт военных комиссаров в Красной Армии. В частях и соединениях вводились заместители командиров по политической части).

А утвердиться в целесообразности такого направления нам помог начальник учебного танкового лагеря генерал-майор танковых войск С.И.Богданов. Он неожиданно прибыл на первое батальонное учение еще в ходе обучения бригады. Встретаться с ним до этого еще не приходилось, но по характеру его приказов и слухам было известно, что начальник лагеря весьма суров.

После просмотра одного из этапов учения, в ходе которого по его требованию был повторен один из эпизодов, перед наступлением с боевой стрельбой, генерал спросил командира бригады:

– Так у вас и с боевой стрельбой будет наступление?

– Да, стреляют одна танковая и приданная батальону мотострелковые роты; другая танковая рота – атакует без стрельбы, так как из-за узости полосы не обеспечивается безопасность.

– А вот в Костерева бригады находятся рядом с полигоном, но не делают этого. Теперь-то я их заставлю!

И эта атака прошла организованно, в высоком темпе, с хорошим поражением целей. В конце учения, объявив благодарность подразделениям, генерал Богданов сказал:

– Учением я доволен. Направление в боевой подготовке правильное, его и держитесь.

Оценка опытного танкиста ободрила нас. А слухи о чрезвычайной суровости Семена Ильича нам показались преувеличенными. В конечном счете, мы не обманулись в своем впечатлении. Вскоре он снова убыл в Действующую армию, командовал танковым и механизированным корпусами, а с 1943-го года – танковой армией, стал дважды Героем Советского Союза и маршалом бронетанковых войск.

Существенные поправки в тактическую подготовку были внесены с поступлением в конце октября приказа Народного Комиссара обороны №325. Он вскрывал недостатки в использовании танковых и механизированных войск, определяя порядок их применения. Что касается танковых частей, предназначенных для поддержки пехоты, то требовалось, чтобы танки не отрывались от пехоты, не теряли с ней взаимодействия, больше маневрировали и вели огонь с ходу. Приказ обязывал также улучшить поддержку танков огнем артиллерии.

Если до сих пор своих танкистов мы учили не оглядываться на мотострелков в атаке, стремительно продвигаться вперед, а мотострелковые подразделения не отрываться от танков, то теперь требовалось другое: ожидать пехоту, маневрируя, пока она не подойдет на 200 метров.

Перед нами остро встал вопрос о проведении учений с пехотой и артиллерией. Начальник штаба связался со штабом лагеря и затем доложил командиру полка:

– Мне ответили, что стрелковых и артиллерийских частей нет даже в пределах ста километров.

– А я рассчитывал, что найдутся, – разочарованно проговорил подполковник Ершов. И, подумав, решил:

– Будем обозначать пехоту сборной командой из подразделений обеспечения. Артиллерию обозначим наблюдательным пунктом. Другого выхода, чтобы как-то почувствовать танковым ротам взаимодействие, у нас нет.

Быт полка строился по-полевому, как это предписывалось командованием танкового лагеря. Подразделения, кроме штаба, стояли вне населенных пунктов. Рано начавшиеся холода не застали нас врасплох. Помощник командира полка по снабжению капитан Илья Семенович Африн, человек весьма организованный и заботливый, вовремя доставил теплые вещи и зимнее обмундирование. Для личного состава были оборудованы полужемлянки с нарами

и печами, покрытые танковыми брезентами. Танки и автомобили стояли в окопах, а горячая вода и масло для их заправки содержались внутри передвижных водомаслогрейках.

Взаимоотношения между личным составом и населением были дружескими. Полк часто приходил на помощь окружавшим его колхозам. По вечерам командиры, а в часы увольнения – и сержанты, и красноармейцы посещали в местных клубах кино и танцы. Поэтому полной неожиданностью явилась жалоба председателя одного из колхозов, человека пожилого.

– Обижают танкисты наших мужиков, капитан, говорят, мол, прячутся от войны за валенками. Нехорошо!

– Как понимать «за валенками»?

– Валенки мужики-то для армии катают, на десятки каталей (так здесь называли катальщиков) военкомат наложил броню. Шерсть им привозят и план установлен. Да всем им под сорок и более. Сыновья у многих на фронте. Обидно им.

Успокоившись, добавил:

– Ремесло это у нас потомственное. В старину горожан обували, даже москвичей.

Обидчиков – а это был экипаж во главе с младшим лейтенантом – я доставил в деревню, в семью, которую указал мне председатель, так как с детства знал, видя работу своего дяди, как нелегко катать валенки. За работой мы застали обливавшихся потом двух братьев и их отца, которому, видимо, шел седьмой десяток, и в углу избы детей, перебивавших свалывшуюся шерсть. От котла, вытаскиваемых из него и прокатываемых заготовок клубился пар, смешиваясь с исходящим от шерсти запахом скотского пота.

Представившись и пожелав успеха, я начал разговор:

– Какая и кем вам установлена норма?

– Известно кем, военкоматом и райисполкомом, две пары в день на мужика, – ответил один из братьев.

– Оно бы ничего, две-то пары, да ведь коровий и лошадиный волос – разве шерсть? – продолжил второй брат. – Шерсти-то овечьей – одна шестая часть. Паришь, паришь волосья эти, мнешь, мнешь их железным вальком, пока прикатаешь к колодке.

Экипаж молча наблюдал их работу, которой нельзя было не любоваться. Я молчал. Наконец, командир танка, краснея, принес извинения. А затем, покурив с катальщиками, мы дружески расстались.

При возвращении сначала молчали, а потом заговорил механик-водитель:

– Да, мастера! Работа тяжелая, большой сноровки требует, но как ее делают! Любо смотреть.

– Расскажите это своим товарищам по роте, – попросил я. И хотя убеждать их уже не требовалось, добавил: – Фронту нужны не только танки, но и валенки. Их женщины не скатают. К тому же по возрасту это – вам отцы, у них сыновья на фронте.

На второй день октябрьского праздника мы начали трехдневное полковое тактическое учение с участием проверяющих из штаба лагеря. Полк совершил ночной марш протяженностью 60 километров, провел дневное и ночное наступление и на последнем этапе оборонялся. О хорошей слаженности полка говорили: высокая скорость марша; организованные и быстрые развертывания; четко работавшая радиосвязь и ни разу не нарушившееся управление. С таким мнением и убыли проверяющие. А в моей памяти: фашистский танковый батальон с его искусным маневром на Брянском фронте. И подумалось: у нас получается уже не хуже. А командир полка озабоченно проговорил:

– Мы, считай, неплохо спелись, но будет ли наш голос созвучен с голосом пехоты?

В середине ноября полк погрузился и двумя эшелонами убыл в Действующую армию.

В тесном взаимодействии с пехотой

В ночь на 16-е ноября 1942-го года эшелоны полка прибыли на станцию Крестцы – конечную станцию на ветке, отходившей от железнодорожной линии Бологое – Старая Русса. Полк вошел в состав войск 11-й армии Северо-Западного фронта.

Знакомство с особенностями района, где предстояло действовать, состоялось в ходе 90-километрового марша, совершенного двумя ночными переходами. При этом колонна танков во главе с командиром полка следовала по отдельному маршруту, а колонна колесных машин, которую вел я, по автомобильной дороге.

Дорога представляла собой сочетание грунтовых участков с пересекавшими болота бревенчатыми эстакадами длиной от полукилометра до пяти. Эстакады имели две колеи, соответственно под правые и левые колеса машин, и были рассчитаны на одностороннее движение с остановками для пропуска встречных колонн. Скорость движения нашей колонны в этих условиях, к тому же в снежную ночь, составила лишь шесть километров в час.

На привале, после моего доклада подполковник Ершов не без сожаления произнес:

- Повезло нам! Думали о Сталинграде, а попали в леса и болота к озеру Ильмень.
- Придется учиться многому заново, особенно вождению танков, – сказал я.
- Само собой, было бы только время.

И южнее станции Беглово, где по окончании марша сосредоточился полк, наряду с устройством землянок для людей, окопов для техники и маскировкой, было организовано обучение вождению танков по болотистому грунту.

Уже в день сосредоточения из штаба автобронетанковых войск армии были получены описания и справки, касавшиеся местности, противника и отражавшие опыт действий танковых войск в данном районе.

Предварительное ознакомление с местностью по картам и описаниям не обрадовало. Болота занимали основную часть территории. Они соседствовали с большим числом рек, ручьев, имевших заболоченные, а частью и обрывистые берега. Преодоление водных препятствий без специальной подготовки исключалось.

Дорог с твердым покрытием не было. Войска расчищали от снега и содержали пути вдоль проселков и троп, которые при усилении фашинами и промерзании обеспечивали движение автомобилей. Местность позволяла двигаться танкам главным образом по прилегающим к дорогам узким полосам с небольшой скоростью.

Справочный материал позволил уяснить, что войска 11-й армии вели бои с группировкой противника, занимавшей так называемый Демянский плацдарм. Он образовался в зимне-весенний период 1942-го года и представлял собой глубокое, до 75-ти километров, и широкое, до 40-а километров, вклинение главных сил 16-й фашистской армии на восток, соединявшееся со старорусской группировкой гитлеровцев коридором, имевшим минимальную ширину до 12 километров и получившим название Рамушевского.

Фронт войск армии, дугообразно выгнутый в сторону противника, упирался в коридор и плацдарм с севера. Поэтому противник от района сосредоточения полка был с трех сторон. На юго-запад и юг передний край его обороны проходил северо-восточнее и восточнее населенных пунктов Туганово, Сорокино, Вязовка (схема №2); в 12-14-ти километрах, на восток – по западным окраинам населенных пунктов Пустыня, Кневицы, в 7—8 километрах.

Гитлеровцы подготовили прочную, глубокоэшелонированную оборону, насыщенную деревоземляными фортификационными сооружениями.

И характер обороны, и малодоступность местности побуждали нас глубоко изучить опыт действий танковых частей и подразделений. Однако в полученных документах мы не нашли

главного: какие специфические способы и приемы тактических действий и стрельбы танковых подразделений здесь выработаны?

– Надо думать, в танковых частях, действующих здесь продолжительное время, накоплен определенный опыт. Следует разузнать, – приказал командир начальнику штаба, ознакомившись с материалами штаба АБТВ. – Не менее важно знать приемы и способы эвакуации застрявших танков, – нацелил он помощника по технической части капитана В.С. Яншина.

И через пару дней командиры подразделений, а через них – все экипажи были ознакомлены с тем, что было сообщено нам специфического воевавшими здесь соседями.

С ноября 1942-го года по февраль 1943-го года 239-й танковый полк четырежды участвовал в наступательных действиях, продолжавшихся от пяти до двадцати суток, и всякий раз до потери почти всех танков.

Перед первым ноябрьско-декабрьским наступлением командование, штаб и командиры рот изучили местность в районе, эпицентром которого была деревня Горбы. Оказалось, что как Горбов, так и других сел и деревень в этом месте либо нет, либо от них осталось по одной или две постройки. Еще предыдущей зимой при отходе фашисты их сожгли. Кроме того, из деревень, находившихся в 25-километровой прифронтовой полосе, во второй половине октября было эвакуировано население.

Подготовка наступления началась с получением 26-го ноября боевого распоряжения заместителя командующего по АБТВ полковника Александра Васильевича Кукушкина, согласно которому полк без одной роты придавался на усиление 170-й стрелковой дивизии, а одной ротой – 126-й стрелковой бригаде.

170-я стрелковая дивизия ударом в направлении Обжино, Софронково должна была прорвать оборону и к исходу второго дня наступления выйти к реке Пола на участке Городок, Колома. Она входила в ударную группировку и тесно взаимодействовала с дивизией, наступавшей справа. Прорывавшая же оборону 126-я бригада на участке Ольховец, Вязовка поворачивала на юго-восток и к концу второго дня наступления выходила к Баракам Багрово, прикрывая левый фланг ударной группировки. Ее наступление имело вспомогательное значение.

Было ясно, что силы небольшого по составу полка распыляются. На решающем этапе наступления, при прорыве обороны, удар танкового полка на главном направлении ослаблялся в два раза. К тому же в ослабленном составе полк по решению командира дивизии должен был поддерживать атаку двух стрелковых полков – 422-го и 701-го.

В связи с таким положением подполковник Ершов попросил полковника Кукушкина присоединить 2-ю роту к полку, но он ему в этом отказал, сославшись на решение командарма. Тогда Иван Николаевич обратился к командиру дивизии полковнику Ушакову:

– Степан Игнатьевич, поскольку наш полк располагает одной ротой Т-34, то целесообразно назначить его на поддержку одного стрелкового полка. Это облегчит взаимодействие с пехотой и артиллерией.

– Без танков пехота в атаку может не пойти. Впереди ее надо иметь танки в обоих полках, – настоял комдив.

Со 2-й танковой ротой в 126-ю стрелковую бригаду на организацию боя командир полка направил меня. В штабе бригады, наряду с боевыми задачами, мы с командиром роты нанесли на карты сведения о противнике. Значилось, что в полосе предстоящего наступления у него обороняется пехотный батальон 174-го пехотного полка 81-й пехотной дивизии, но конкретных данных об огневых средствах, особенно противотанковой артиллерии, не было. Единичными были выявлены деревоземляные огневые точки (ДЗОТ), блиндажи и места минирования.

– Сколько времени бригада на этом участке обороняется? – спросил я начальника разведки.

– С начала октября.

– То есть почти два месяца. Сколько же надо времени, чтобы противостоящего противника разведать?

Он пожал плечами.

Затем начальник штаба представил нас командиру бригады. В прочно сделанной, с несколькими накатами землянке, подтянутый, среднего роста принял полковник. Это был Федор Васильевич Карлов.

– Рота должна поддержать атаку 2-го и 3-го стрелковых батальонов в направлении Вязовки, Сафронково завтра с утра, то есть 27-го. Готовность сегодня к 24-м часам. Вам это ясно?

В первое мгновение не поверил, было, ушам своим, но, собравшись с мыслями, решительно сказал:

– На подготовку к наступлению нам нужно три дня, а не три часа светлого времени, которые останутся, когда прибудет сюда рота.

– У вас полдня и ночь, готовьтесь. Это – не мое решение, а командарма.

– Надо попросить отсрочку, товарищ полковник.

– Товарищ капитан, я не привык обсуждать решения старших начальников!

Понимая, во что обойдется экипажам неподготовленная атака, я уже думал не о субординации, а возможной беде.

– Надеюсь, вы и посылать в атаку танки не привыкли без изучения экипажами противника и местности, без организации взаимодействия с вашими батальонами, то есть не для прорыва, а для того, чтобы они сели в болоте и сгорели.

– Эти вопросы поможет вам решить штаб, – с раздражением ответил он.

Попытка связаться по телефону с подполковником Ершовым не удалась: он был в поле. Тогда я связался с полковником Кукушкиным и попросил дать время хотя бы до конца дня 28-го ноября.

– В добавке двух суток отказано. До Карлова, видимо, еще не дошло то, что на подготовку добавлены сутки. Вы располагаете временем до 24-х часов завтра, 27 ноября.

Ни тогда, ни позже ничего не вскрылось такого, что вынуждало бы готовить наступление в спешке, а она привела к неполному и поверхностному решению многих вопросов.

Удалось добиться согласия на поддержку не двух, а одного стрелкового батальона. Это был 2-й батальон, куда мы и отправились. С командиром его, тоже капитаном, провели рекогносцировку, а на следующий день – организацию взаимодействия.

Был мороз 8—10 градусов, шел небольшой снег. По лесу раздавалось, отражаемое деревьями, необычайно громкое эхо пулеметных очередей и разрывов снарядов и мин. Шла нечастая перестрелка.

Сначала рассмотрели оборону противника в лесу, выйдя к своему переднему краю по наторенным тропам. Обеими сторонами здесь были построены непрерывно тянущиеся бревенчато-жердевые заминированные заборы и завалы с искусно замаскированными окнами для стрельбы, прикрывавшие окопы и движение даже в рост. Затем с опушки леса изучили местность и оборону гитлеровцев в поле. Впереди было открытое пространство, расширяющееся в сторону противника, глубиной около километра, в конце которого просматривалось несколько сохранившихся построек деревни Вязовки. Изучив местность в бинокль, говорю комбату:

– Карта точная. Весь участок местности левее деревни – заболоченный; там из снега торчат камыш и редкие кусты. А вот ручей справа имеет по берегам ольху и высокие кусты, значит, его берега не заболочены. Выходит, что танки могут пройти в полосе, включая деревню и правее, до леса.

– Понятно.

– Тогда вы должны согласиться с тем, что ваш батальон должен центром наступать не на деревню, как приказано, а правее, в полосе, проходимой для танков?

– Да, конечно, – подумав, ответил комбат.

– Прошу об этом доложить комбригу.

В 200-х метрах северо-западнее деревни четко и картинно просматривались три ДЗОТа.

– У вас не возникало подозрения, что они ложные? Когда и из какого оружия из них ведется огонь?

– Пулеметную стрельбу замечали по утрам, а пушечной не было.

Комбат считал, что в полосе наступления батальон встретит в обороне до пехотной роты фашистов, но не имел данных о противотанковых средствах.

На обратном пути побывали в двух солдатских землянках, добротно построенных из срубов, с двумя накатами и железными или из камня печурками. Я высказал комбату восхищение.

– А у фашистов блиндажи лучше, чем наши землянки.

– Вы их видели?

– Я – нет, но в захваченных к западу от Горбов бывали другие наши комбаты и артиллеристы.

– Не найдется ли в землянках место нашим экипажам во второй половине ночи?

– Конечно. Ночью большая часть батальона – на позициях, много землянок пустует.

Уже в сумерках и ночью экипажами были выбраны и обозначены колонные пути взводов к опушке леса, а с утра следующего дня вместе с саперами бригады на заболоченных местах оборудованы деревянные настилы и мосты через ручьи.

На рассвете второго дня в присутствии начальника оперативного отделения штаба бригады мы с комбатом организовали на местности взаимодействие между стрелковыми ротами и танковыми взводами, а в середине дня – с командиром артиллерийского дивизиона.

Тут следует вернуться к одному вопросу, прояснившемуся еще накануне. На поддержку двух стрелковых батальонов, наступавших в районе Вязовки, был назначен один дивизион 76-миллиметровых полковых пушек, снаряды которых обладали незначительным могуществом. А ведь только на подавление опорных пунктов и разрушение ДЗОТов в полосе 2-го батальона требовалось не менее двух дивизионов. Поскольку артиллерия, поддерживающая стрелковый батальон, поддерживает и танковую роту, то я просил комбрига, как в первый день, так и вечером второго дня прибавить артиллерии.

– Артиллерию я просил, но не прибавят, а с главного, ольховецкого направления, где наступают два стрелковых батальона, не могу снять ни одного дивизиона.

Услышанное удивило: главный удар бригада наносит на Ольховец, а танки применяет у Вязовки! После повторного отказа я вспомнил признание начальника оперативного отделения в ходе работы на местности:

– Бригада с танками еще не наступила, и нам приходится учиться применять их. В штабе есть командиры из внутренних войск. Сам комбриг служил в них до мая этого года. Хотя он и окончил вечернее отделение академии имени М.В.Фрунзе, с танками дела не имел.

Было отказано и в выделении батальону радиостанции для связи с танковой ротой.

В ограниченное время да в сочетании с естественными в условиях фронта помехами, связанными с огневыми налетами противника, в полном объеме подготовку выполнить не удалось, но задачи, боевые курсы и направления для обхода болотистых участков экипажи знали.

В эти дни до экипажей были доведены материалы о зверствах фашистов во временно захваченных районах. Часть этих материалов, в частности, актов о грабежах и расправах над советскими людьми, опубликовала армейская газета «Знамя Советов». Личный состав сам видел уничтоженные деревни. И росла ненависть к врагу. На состоявшемся в конце суток 27-го ноября митинге танкисты дали слово решительно действовать в наступлении и выполнить боевые задачи.

– Сейчас у нас весь состав экипажей – коммунисты и комсомолцы. В каждом экипаже есть член или кандидат в члены партии, – докладывал старший батальонный комиссар Коллеров командиру полка.

К шести часам 28-го ноября полк занял исходные позиции. В семь часов по телефону с командного пункта стрелкового батальона я доложил комбригу о готовности роты.

Однако наша решимость выполнить задачу, сочетавшаяся с естественным боевым волнением, была омрачена на рассвете, когда резко усилился юго-западный ветер и повалил густой мокрый снег. Видимость уменьшилась до 50-70-ти метров, а затем и до десяти. Разрывы снарядов и мин в ходе, начавшейся в девять с половиной часов, артподготовки, мы с комбатом и командиром дивизиона уже не видели и точность стрельбы оценить не могли.

Командир роты старший лейтенант Михаил Васильевич Тулейкин и я, каждый из своего танка, проверили возможность наблюдения в направлении атаки, совпадавшем со встречным ветром. Я многократно протирал объектив прицела, но его тотчас же заклеивал летевший навстречу снег. Смотровые приборы механика-водителя и башни забивало снегом намертво.

Тотчас по радио доложил командиру полка о том, что танки в атаку посылать нельзя.

– Та же погода у нас. Мою просьбу об отмене атаки докладывают вверх! – ответил подполковник Ершов.

Об опасности «слепой» атаки я доложил и комбригу. Поддержал нашу просьбу прервать подготовку и отложить атаку и полковник Кукушкин. Однако по непонятной причине в этом было отказано. Почему так поступил генерал-лейтенант Курочкин? Может там, где он сам был, видимость была лучше? Это мы так и не узнали.

Взволнованному командиру роты, стараясь не выдать свое беспокойство, говорю:

– Миша, даже после развертывания в боевую линию, сколько позволит огонь противника, атакуйте с открытыми люками. Еще раз напомните механикам-водителям, чтобы вели танки строго по заданному азимуту.

Танковая рота перешла в атаку. Мой танк шел рядом с танком командира роты. Танки направляющего взвода, за которым мы шли, тотчас исчезли в белой мгле. Артиллерия перенесла огонь в глубину, отчего на время стало тише.

Словно из снега вышли из окопов стрелки в белых комбинезонах и двинулись за танками в ту же мглу. Артиллерия и минометы противника открыли сильный огонь, видимо заградительный, но разрывы снарядов и мин слышались на рубеже, находившемся уже сзади нас.

Танки двигались медленно, но, несмотря на это, пехота часто залегала и отставала. Огонь, открытый танками, оказывал на противника, конечно, не столько поражающее, сколько психологическое воздействие. Прошу по радио комбата:

– Не отставайте от танков, опасность поражения пока невелика.

– Понял! Тороплю, но тыкаются, как слепые котята – не знают, куда идти.

– На шум моторов идти, на шум моторов! – крикнул я в эфир комбату.

Когда огонь противника усилился, хотя и не был прицельным, и появились раненые, пехота залегла основательно. Саперы же, перебегая по колеям, образованным в снегу гусеницами танков, упорно шли за ними.

И вот рота миновала те самые сомнительные ДЗОТы противника, которые, как и предполагалось, оказались ложными. При проверке одного из них командир моего танка с саперами обнаружили две катушки кабеля и уже окислившиеся патронные гильзы.

Затем танки перешли первую траншею у северной окраины деревни, а в 50-80-ти метрах за ней – ДЗОТы, только что покинутые отошедшими гитлеровцами. И там и там просматривались трупы, брошенное оружие, а в ДЗОТах – две 47-миллиметровые пушки и пулемет. Ни один ДЗОТ нашей артиллерией не был разрушен. Противник отошел на подготовленную позицию за речку Вязовку, откуда и вел огонь.

Без захвата южного берега речки стрелковыми ротами нельзя было найти и оборудовать броды для танков. Комбат по радио заверял, что роты продвигаются, а они не появлялись. Тогда я на танке вернулся назад, отыскал одного из командиров стрелковых рот, объяснил обстановку и попросил быстро выдвинуться к танкам.

– У меня нет больше кабеля, а без проводной связи с комбатом вперед идти запрещено.

– Выходит, вам для успеха нужны не танки, а кабель! – с возмущением сказал я. – Возьмите его в немецком ДЗОТе!

Во время встречи с командиром этой роты стало ясно, что комбат за своими ротами не продвинулся. Между тем ушло полчаса, пока рота выдвинулась к танкам, а позже – непосредственно к речке. Здесь огонь противника, хотя и nepřичельный, был сильным, поэтому попытка роты перейти на южный берег не удалась. Нужен был весь батальон.

В это время ошарашил доклад Тулейкина о застревании левофлангового танкового взвода. Позже выяснилось, что взвод несколько отклонился влево и попал в болото; теперь он лишь с места вел огонь.

Около 16-ти часов уменьшился ветер и снегопад. Начало проясняться. Танкисты быстро прочистили оптику. Осмотревшись, был рад, что рота, кроме одного взвода, не потеряла свое направление. Стрелковая рота и саперы заняли окопы, ходы сообщения и некоторые ДЗОТы противника вблизи речки.

По мере прояснения с обеих сторон нарастал огонь, вскоре ставший ураганным. По башне барабанили пули.

– Миша, организуйте огонь, он – беспорядочный, – говорю по радио командиру роты.

– Понял! Начну с ДЗОТов и траншеи за Вязовкой.

Он быстро и четко организовал огонь, и вскоре стрельба гитлеровцев ослабла.

– Эх, пехоту бы сейчас, пехоту в атаку за речку! – кричит Тулейкин по радио.

– Понимаю, но имеющейся мало. Жду! – ответил я.

По взлетающим и таявшим над лесной поляной облачкам в глубине обороны противника заметил позицию минометной батареи. Через комбата передал командиру дивизиона координаты цели, но лишь к наступлению темноты был открыт по ней огонь, и она на время «замолчала». Вновь переключившись в радиосеть роты, услышал команды Тулейкина, обнаружившего подход трех самоходных противотанковых орудий по лесной дороге с юга. Командир взвода младший лейтенант Лебедев со второго выстрела поджег головное орудие при выходе из ручья, а два других отошли назад, в его пойму.

– Миша, передай Лебедеву благодарность. Молодец он! – восхищенно передаю по радиостанции.

Через пару недель Олег Александрович Лебедев был награжден орденом Красной звезды.

А благоприятный момент для захвата южного берега речки был упущен. Наступали сумерки. Только к 20-ти часам, после вмешательства комбрига, основные силы батальона вышли к речке.

В полную растерянность пришел, побывав у засевшего в болото взвода. Непривычно было видеть сверху снежно-болотной жижи у одного танка полкорпуса, у другого – крышу корпуса, у третьего – только башню.

К 22-м часам поочередным выводом танков из боя были в них пополнены боеприпасы и горючее, а экипажи получили горячую пищу. Оперативный и заботливый помощник командира полка по тылу капитан Илья Семенович Африн своевременно все это доставил.

Атака полка в полосе 170-й стрелковой дивизии с десантом на танках шла также при отсутствии видимости, вследствие чего каждая вторая машина засела. Значительная их часть была вытащена в ходе наступления и вновь послана в атаку. И все же полк вклинился в оборону противника на 600—800 метров, приблизился к речке Вязовке и Обжино. И здесь пехота за танками не пошла; танки были остановлены. Лишь с прояснением, после 15-ти часов, она

подошла к танкам. На фронте в два километра, противник был выбит с первой позиции. Удалось захватить до восьми ДЗОТов, в том числе три с орудиями, и до десяти блиндажей. Были подобраны десятки трупов и взяты пленные из 415-го пехотного полка 123-й пехотной дивизии. Артподготовка оказалась неэффективной, а авиация из-за нелетной погоды не действовала.

Как я узнал в конце суток, самоотверженно выполнял свою задачу командир взвода разведки младший лейтенант В. И. Котков. Когда его танк застрял, они вдвоем с командиром башни скрытно, по кустарнику выдвинулись к обороне противника и передали данные о местах оружейных ДЗОТов. Василий Иванович был смертельно ранен. Командир танка младший лейтенант Лядов огнем разрушил ДЗОТ и уничтожил две огневые точки. Во время эвакуации застрявшего танка был ранен и вскоре скончался. Котков и Лядов были награждены орденами Красной звезды посмертно.

К 22-м часам командира батальона и меня вызвал командир бригады. Чувствовалось, что он переживает неудачу: если в районе Вязовки продвижение составило до 700 метров, то у Ольховца всего 300—400. Заслушав комбатов, он сделал им суровые внушения. В частности, командиру 2-го батальона он сказал:

– У вас были танки, но батальон не сумел использовать их успех. Саперы шли за танками, а стрелки – нет. Надо командовать батальоном, а не присутствовать в нем!

А мне подумалось, что виновато и командование бригады: батальон был бесконтрольным. При наличии контроля полковнику Карлову было бы известно, что командир батальона не пошел за ротами вперед, не знал обстановку и даже в сей миг не представляет себе, где и в каком положении находятся его роты.

Затем о состоянии танковой роты доложил я.

– А как ваш батальон? – спросил он нашего комбата.

– Еще не успел разобраться с потерями, надо пополнить боеприпасы...

– А вот танкисты успели! – резко перебил он его. – А как артиллерия?

– Будем готовы к утру, за ночь подвезем боеприпасы, – доложил начальник артиллерии. Комбриг решил возобновить наступление в 10 часов следующего дня.

С чувством вины и горечи, не покидавшими меня весь день, прибыл я на доклад к командиру полка. Вины потому, что не предотвратил застревание танков; горечи потому, что взаимодействия с пехотой и артиллерией достичь не удалось. Боевая задача не выполнена.

Подполковник Ершов был потрясен так неудачно сложившимся первым боем полка, но переносил случившееся мужественно.

– Не только в 126-й бригаде считают, что танкам все нипочем. Так думают и в 170-й дивизии, да и выше. Отсюда и пренебрежение нашим мнением. Право, надо же послать в атаку танки при отсутствии всякой видимости! – с возмущением говорил он. – Постарайтесь, Обатурыч, при овладении этой болотистой Вязовкой сохранить людей и танки, добейтесь выделения саперов для эвакуации.

Пережить потрясение было отчего. Как мы с капитаном Контрибуцием подсчитали, убитые и раненые были в семи экипажах, сгоревших танков – один, подбитых – шесть, в том числе три Т-70, но засевших и не эвакуированных – 14.

Наконец, к рассвету 29-го ноября командиры стрелкового батальона и артдивизиона переместились к ложным ДЗОТам, где находились мы со старшим лейтенантом Тулейкиным. С 10-ти часов, после довольно «жидкого» огневого налета, стрелковые роты попытались атаковать гитлеровцев на южном берегу Вязовки, но, встреченные организованным огнем всех видов, успеха не имели. А вечером поступило распоряжение о присоединении роты к полку.

Мне же досталось руководить эвакуацией застрявших танков. Роту саперов нам выделили и прикрыли взводом пехоты. В первые дни рота в светлое время заготавливала лес, а ночью вместе с экипажами строила бревенчатые настилы для подхода средств эвакуации к каждому

танку. Затем каждую ночь, вплоть до 5-го декабря, шло медленное, мучительное вытягивание танков из болота под сильным минометным огнем фашистов: ведь шум моторов не скроешь. До 5-го декабря удалось эвакуировать два танка, а третий, засевший по башню, был эвакуирован в январе эвакуатором фронта, имевшей специальное оборудование.

До 2-го декабря 170-я мотострелковая дивизия, а с нею и наш полк, еще трижды возобновляли наступление, но безуспешно. В последующем, до 10-го декабря в мелких боях участвовало три-пять танков.

За время боев ходили в атаку до десяти раз, пока не были ранены, заместитель командира 1-й танковой роты по политической части старший политрук П. Г. Королев и командир взвода младший лейтенант Л. Л. Разгон. Каждый из них огнем разрушил по одному-два ДЗОТа, уничтожил по противотанковой пушке и вывел из строя десятки фашистов. Королев был награжден орденом Красного знамени, Разгон – орденом Красной звезды.

А потери полка день ото дня накапливались, поэтому эвакуация подбитых и застрявших танков, причем в основном в ночное время, под огнем противника продолжалась до 16-го декабря. В ходе ее особо отличились командир ремонтного взвода младший лейтенант Х. Ф. Фаизов и командир эвакуаторного подразделения старший сержант Г. В. Марков; они удостоены наград – орденов Красной звезды.

Урон, нанесенный противнику в описанных боях, выразился, примерно, в следующем: разрушено ДЗОТов – 14, раздавлено блиндажей и землянок – 13, уничтожено огневых точек с перекрытием и открытых – 20, противотанковых и самоходных орудий – 6, убито и ранено солдат и офицеров до 170-ти.

В строю оставались три командирских танка Т-34 и три Т-70. Все другие машины, кроме нескольких сгоревших, были стянуты для среднего и капитального ремонта в ремонтную базу армии.

По выходе из боя были обобщены и разобраны с командно-начальствующим составом и с сохранившимися экипажами поучительные боевые эпизоды и допущенные ошибки.

С командованием и штабом разбор провел заместитель командующего армией по АБТВ полковник Кукушкин. После критики действий полка он признал, что многое от него не зависело.

– Уже не первый раз я просил не посылать в бой танковые части поспешно, особенно вновь прибывший полк, давать им необходимое время на изучение противника и местности и, главное, надежно поражать противотанковые средства. Но не во всем нам идут навстречу.

От него мы узнали, что наступление 11-й армии проводилось во взаимодействии с 1-й ударной армией, наступавшей на Рамушевский коридор с юга навстречу нашей армии с целью отрезать Демянскую группировку.

– С весны прошлого года почти ежемесячно бьем по коридору, часто с двух сторон, но безуспешно.

В конце разбора он сказал:

– Я удовлетворен результатами эвакуации. Главное сделано, танки стянуты, а отремонтировать сумеем.

Во время трехдневной передышки личный состав полка был помыв в прибывшей армейской подвижной бане. Люди, пережившие горечь утрат и радость того, что остались живы, восприняли баню, которой не видели месяц, с необычным наслаждением.

После бани в землянке подполковник Ершов Коллерову и мне, а затем и пришедшему с докладом начальнику штаба предложил по сто граммов водки. Настроение у нас стало мажорным. Тут капитан Контрибуций доложил:

– Двенадцать танкистов, в том числе пять средних командиров не помылись, их не оказалось.

– А где же они? – хитро улыбаясь и подмигивая мне, спросил командир полка.

– Адрес – старый, девчата в полевом госпитале.

– Какой госпиталь, где? – быстро и озадаченно спросил Коллеров.

– Полевой, тот, что в лесу за станцией Беглово. Еще перед наступлением они туда дорожку проложили, – ответил Виктор Мефодьевич.

– А почему никто об этом безобразии не доложил мне? Качая головой и смеясь, командир полка сказал:

– Семен Владимирович, не только вот трое нас и штаб, но и партийное и комсомольское бюро об этом знают. Выходит, знают все, кроме тебя.

– Иван Николаевич, надо срочно послать туда... вот Обатурова; он быстро приведет их в порядок и доставит сюда.

Сквозь смех подполковник Ершов проговорил:

– А почему ты считаешь, что к нему не приклеится какая-нибудь сестричка? Молодой, крепкий, стойки делает на руках, не чета нам с тобой.

И после паузы, уже без смеха, но и без нравоучения, добавил:

– Это же молодежь! Они уже смотрели смерти в глаза, и, считай, многие, наверное, не знают сладость девичьего поцелуя. Скоро им опять в бой и кого-то не станет. Где тут безобразие?

Замполит был сконфужен, а командир полка распорядился:

– Прикажите старшему врачу: как только придут, так их на мытье под танковый брезент, к бочке с костром. А баню отпустить вовремя.

Семен Владимирович Коллеров прибыл на политработу в армию в 1939-м году по партийному набору с должности заместителя директора текстильной фабрики и прошел шестимесячные курсы политсостава. Воевать начал в должности комиссара танкового батальона. Не получив специальной танковой подготовки, он испытывал трудности в конкретной работе с танкистами, но осваивать танковое дело не спешил. До экипажей доходил редко.

19-го декабря полк поступил в подчинение командира 28-й гвардейской стрелковой дивизии, а утром 20-го получил новые танки: Т-34 – 18 единиц, Т-70 – 10, то есть почти три маршевые роты. С отправленными в ремонт подбитыми танками по установленному тогда порядку убыли механики-водители и командиры башен. Таким образом, с учетом потерь состав экипажей обновился на две трети. Как мы убедились в беседах с вновь прибывшими экипажами, их выучка, исключая фронтовиков, составлявших одну четверть, не выходила за пределы программ учебных танковых частей. Незавершенной оказалась и программа тактической подготовки рот.

Без задержки были организованы выверка и пристрелка оружия, вождение и стрельба. Опасность налета вражеских самолетов из-за небольшого снегопада и низкой облачности была незначительной. С прибывшими были изучены недостатки и ошибки, допущенные в предшествующих боях. В частности – это случаи атаки переднего края обороны противника на низких скоростях, слабый огонь из пулеметов по траншеям и амбразурам ДЗОТов, стрельба по ДЗОТам и блиндажам в условиях, когда грунтовое покрытие их уже замерзло, не бронебойными, а осколочными снарядами.

В тот же день, 20 декабря, из боевого приказа командира дивизии мы узнали, что дивизия ударом севернее Обжино на Софронково должна прорвать оборону и выйти к реке Пола. Наш 239-й танковый полк придавался правифланговому 86-му гвардейскому стрелковому полку и имел задачу, поддерживая наступление его пехоты, уничтожить огневые точки на участке прорыва, овладеть южным берегом речки Вязовки и затем с десантом автоматчиков захватить и удержать Софронково. Готовность – к исходу 22-го декабря.

– Ну что ты поделаешь? Опять не дают нужное время на подготовку! – досадовал командир полка.

– Да, это самые короткие дни в году. Светлое время на широте Старой Руссы в эти дни меньше семи часов, – подчеркнул начальник штаба при докладе расчета времени на подготовительные мероприятия.

Подготовка наступления была начата тотчас. После короткого пребывания у комдива, командир полка до наступления темноты успел бегло осмотреть в бинокль полосу предстоящего наступления. А затем он собрал командиров и сначала разобрался, что отображено у них на картах из сведений о противнике. Командир 1-й танковой роты старший лейтенант Николай Кириллович Нечетный при этом выразил беспокойство, что неизвестно, где у противника противотанковая артиллерия, танки и самоходки.

Ответ дал начальник штаба:

– О противотанковых средствах 415-го пехотного полка 123-й и 161-го пехотного полка 81-й пехотной дивизий, на стыке которых наносит удар 28-я дивизия, ее штаб знает очень мало. Да и опорные пункты нанесены предположительно. В некоторых ДЗОТах есть орудия, но в каких – неизвестно, поэтому разрушить огнем их надо все. Противотанковые орудия могут быть и за снежным валом. В целом же предполагается, что 86-му стрелковому и нашему полкам могут оказать сопротивление до полутора-двух пехотных батальонов и до трех дивизионов артиллерии.

– Кстати, снежный вал – новый элемент в обороне противника, и если артиллерия его не разрушит, то нам надо быть готовыми к сюрпризам, – предупредил командир полка.

Затем он по карте объявил свое решение и дал указания по подготовке к наступлению:

– Время – в обрез. Днем будем изучать противника и местность, согласовывать действия со стрелковыми батальонами и артиллерией, а ночью обозначать колонные пути и боевые курсы до нашего переднего края. Особое внимание – местности: знать и обозначить обход каждого болотца.

Когда перед началом работы на местности командир дивизии генерал-майор Павел Афиногенович Степаненко начал излагать оценку противника, то мы оживились.

– Противник восполнил ноябрьские потери, сняв силы с участков плацдарма, на которых наши войска не наступали. Он перебросил в 16-ю армию пехотную дивизию из соседней армии, один полк которой расположился на нашем направлении во втором эшелоне; оборона Рамушевского коридора стала более плотной и глубокой. На 20-ти километровом участке Налючи-Вязовка насчитывается танков и самоходных орудий соответственно 50 и 15¹¹.

– Товарищ генерал, без поражения противотанковых орудий и ДЗОТов прорыв не мыслим, а они до сих пор не выявлены, – с тревогой сказал подполковник Ершов.

– Сегодня и завтра будет произведена аэрофотосъемка. А что и когда нам даст артиллерийская разведка? – спросил комдив.

И тут командиры дивизионного и трех приданных гаубичных артполков доложили, что в течение 6-13-ти часов светлого времени, которое осталось до наступления, они смогут разведать только 15—20% важных целей, поскольку их маскировка за длительное время доведена до совершенства. Они также выразили беспокойство, что количество выделяемых боеприпасов не обеспечивает выполнение планируемых огневых задач.

Так мы еще раз убедились в слабости войсковой разведки. Именно поэтому штабы дивизии и полков лучше знали общую группировку противника, чем стоявшие к ним лицом к лицу его подразделения. Тем не менее, из всей суммы вопросов, решавшихся при организации взаимодействия, вопрос о разведке целей стоял так же остро, как и вопросы огневого поражения.

А подход к этому последнему, как мы убедились во время работы комдива на НП 86-го гвардейского танкового полка, страдал теми же недостатками, что и в ноябре. Поэтому подполковник Ершов просил:

– Мы опять вынуждены говорить, чтобы артиллерийская подготовка планировалась не по площадям, а по целям и группам целей. Для исключения перерыва в ведении артогня

в периоды, когда пехота останавливается, а танки продолжают атаку, танковому полку нужен дивизион гаубиц. Стрелковый полк получил на усиление только два дивизиона, и нам выделить ничего не может. Полки решают судьбу прорыва, а половина артиллерии – в руках дивизии.

– Поддержка атаки будет осуществляться последовательным сосредоточением огня до захвата южного берега Вязовки, – возразил заместитель командира дивизии по артиллерии, полковник, – поэтому интересы танков учитываются и усиливать танковый полк артиллерией не нужно.

Генерал Степаненко с ним согласился, артиллерии полк не получил.

– А штурмовикам ИЛ-2 просим поставить задачу как на подавление целей, расположенных на третьей траншее, так и на уничтожение танков и самоходных орудий. Какая польза нам и пехоте от ударов штурмовиков по целям в глубине, если они не наносят ущерба пехотным батальонам, оказывающим сопротивление нам? – продолжал Ершов.

Представитель командования 6-й воздушной армии доказывал, что целесообразнее использовать штурмовики как ближние бомбардировщики для ударов со средних высот и по целям не ближе двух километров от наших войск, так как со стороны противника усилился зенитный огонь. Против этого возразил генерал Степаненко:

– Под Сталинградом штурмовики штурмуют, поражая танки, артиллерию и пехоту неуправляемыми снарядами и огнем пушек, а у нас – только бомбят. Так не пойдет. У вас в воздушной армии есть бомбардировщики Пе-2, пусть они и бомбят.

Несмотря на несогласие комдива, авиаторы, в конце концов, сделали по-своему.

С командиром 86-го гвардейского стрелкового полка майором Шурко, как и с командирами стрелковых батальонов, почти все вопросы взаимодействия были решены без затруднений. Наступление каждого из двух батальонов первого эшелона поддерживалось одной танковой ротой Т-34, а рота легких танков составляла второй эшелон; четыре ее танка назначались для продвижения за средними танками как орудия сопровождения. Не удалось добиться выделения в батальонах радиостанций для связи с танковыми ротами. Не согласились с нашей просьбой и о том, чтобы десант следовал на танках второго эшелона. В танках командиров рот Т-34 было решено разместить начальников разведки дивизионов, поддерживавших стрелковые батальоны.

На исходных позициях состоялись комсомольские собрания. Я был на собрании в 1-й танковой роте, в организации наступления которой, с левофланговым стрелковым батальоном, участвовал. Главной мыслью, проходившей через доклад командира роты и выступления комсомольцев, было беспокойство за то, как тут, под Старой Руссой, вернуть долг воинам-сталинградцам, окруживших крупную группировку врага.

Вслед за тем Ершов, Коллеров и я вручили посылки от трудящихся, почти исключительно от женщин. В посылках были изготовленные их руками варежки, теплые носки, шарфы, носовые платочки и даже кисеты – традиционно девичьи подарки любимым. У посылок был один адрес «На фронт, воину», а в записках – призыв: поскорее изгнать фашистов с родной земли.

Ночевал с экипажами в шалаше из танкового брезента, с костром при входе. Втиснулся в него вместе с младшим лейтенантом, командиром танка, и усатым старшиной, механиком-водителем, когда другие уже спали.

– Так что ты хотел сказать о фельдшере? – тихо спросил командир танка старшину, видимо, продолжая ранее начатый разговор.

– Да то, что душевным человеком оказался. При поездке в полевой госпиталь он договорился с одним раненым, отправляемым в Ярославль, чтобы тот, как полегчает, навестил моих и передал им консервы и сахар из моих пайков. У нас с женой-то дочка пяти лет и сынок – двух. Голодно им.

– А я хотел, было, жениться, но посмотрелся на горе вдов и остановился. – После паузы, с теплотой в голосе, добавил: – Хорошие письма моя девчина шлет. Ждет она меня, но дождется ли?

– Раз ждет, значит дождется. Всех-то нас не перебьют. Вон второй раз уж на нашей земле у фашистской машины забарахлил мотор.

Под впечатлением от вручения посылок и услышанного на меня тоже нахлынули думы. Вот они, горемычные жены фронтовиков, невесты, бабушки шлют нам посылки, а кто им-то и полуголодным детям что-нибудь пришлет? Вот и Лиза: успокаивает в письмах, что у детей и ее все хорошо и, словно о мелочи сообщает, что стала донором. Наслышавшись о базарных ценах на хлеб, молоко, картошку, прикидываю в уме и получается, что моего аттестата хватает ей на полмесяца.

Так из четырех часов, доставшихся для сна, два прошло в тревожных, совсем нефронтовых думах. И все же в эти дни, как никогда с начала войны, думалось, что раз мы наступаем, а враг всюду вынужден обороняться, дело идет к лучшему.

Наступило утро 23-го декабря. Экипажам были сообщены поправки на текущие условия стрельбы. С рассветом началась артподготовка. Грохоту выстрелов вторили разрывы снарядов и мин в стане врага. Отдохнувшие, позавтракавшие танкисты и в белых халатах бойцы десанта взбодрились и быстро освободили танки от маскирующих комьев снега. Морозное, до 20-ти градусов ниже нуля, утро обещало хорошую погоду и видимость. Мы двинулись на своих танках, как было решено, командир за 2-й танковой ротой, а я – за 1-й.

Атака началась достаточно организованно. За танками пошел стрелковый батальон, и артиллерия перенесла огонь в глубину. Танковые взводы, пройдя проходы в минных полях, быстро развернулись в линию и ровно в 10 часов 20 минут атаковали. Тотчас же из ДЗОТов противника, оказавшихся не разрушенными, а также из второй траншеи был открыт сильный пулеметный огонь. Десант, неся потери, спешил. В первой траншее противника и около ее лежали трупы гитлеровцев. Поравнявшись с танком командира роты, крикнул ему:

– Коля, огонь по ДЗОТам, иначе пехота не пройдет!

– Есть огонь по ДЗОТам! – ответил Наконецный.

Из ДЗОТов, подавленных огнем танков, стрельба резко ослабла. Стрелковые взводы по колеям танков устремились вперед, миновали проходы, перестроились в цепь и с криком «Ура» ворвались в первую траншею.

Затем батальон за танками двинулся ко второй траншее, за которой начинался плавный спуск к Вязовке. Танковая рота, раздавив несколько ДЗОТов, пройдя вторую траншею и уничтожив две противотанковые пушки, начала спуск к речке. Артиллерия перенесла огонь на рубеж 300—400 метров за второй траншеей. Было видно, как справа подходила ко второй траншее 2-я танковая рота. «Неплохо атакуем», – подумалось мне.

Но радость оказалась преждевременной. Отойдя на 300 метров от второй траншеи, танки попали под обстрел противотанковых пушек, в том числе самоходных, с южного берега речки. Из-за помех, которые создавало редколесье, по ним вели огонь только два-три танка. Артиллерия же, прекратив огонь по целям северного берега, не перенесла его на южный. Попытка вызвать огонь поддерживающего дивизиона не удалась: рация командира дивизиона вела радиообмен с командиром артполка и не принимала команд. Здесь следует отметить, что эксперимент с размещением артиллеристов в танках командиров рот не оправдал себя, артиллеристы не имели приборов, а при закрытых люках ничего не видели. Причину же не переноса огня узнал в конце дня: поскольку темп атаки оказался ниже расчетного и огонь на первых рубежах велся продолжительнее, чем планировалось, то снарядов не осталось. Никто в известность об этом нас, танкистов, не поставил.

Все же через подполковника Ершова удалось вызвать огонь двух дивизионов из дивизионной группы, но затяжка стоила дорого: хотя рота уничтожила часть противотанковых орудий, и огонь по танкам ослаб, в роте сгорело две машины.

С возобновлением наступления роты резко усилился артиллерийский и минометный огонь противника. Под его воздействием и при виде горящих танков залегшие в снегу стрелки откатились назад, во вторую из захваченных траншею. За танками шел лишь взвод саперов. Пехота отставала уже более чем на 600 метров. А комбат по радио уверял, что роты возле танков.

Вновь, как и под деревней Вязовка, повернул танк назад и поспешил к пехоте. К моему удивлению, оказалось, что комбат продолжал оставаться на КП в исходном положении, в двух километрах от танков, и склон к речке и танки на нем видеть не мог.

Разыскал обоих командиров стрелковых рот и объяснил им обстановку. Они оживились, среагировали удивительно быстро, и вскоре их роты броском вслед за танками вышли к речке. Здесь Вязовка имела крутые, особенно с нашей стороны, берега, поэтому противник не просматривал и не обстреливал ее русло. После беспрепятственного перехода речки, на подъеме, в двухстах метрах от нее, стрелки были встречены огнем.

Теперь мы оказались перед рубежом обороны батальона второго эшелона, перед тем самым, с которого противотанковые орудия противника сожгли два наших танка. Он проходил по гребню высоты 67,0. Следовало организовать бой за овладение им, что должен был сделать комбат. В докладе подполковнику Ершову об овладении южным берегом Вязовки сказал также и об этом.

– Поздравляю с успехом! – воскликнул он в ответ. – Приму меры. 2-я танковая рота вместе с пехотой уже вышла на спуск к речке.

Через полчаса с подполковником Ершовым на его танке прибыли командир стрелкового полка майор Шурко, командиры стрелкового батальона и артдивизиона. Они получили порядочную нахлобучку от майора Шурко и взялись за организацию боя. А мне подумалось: разве майору Шурко невдомек, что отстали и не видели бой не только его подчиненные, но и он сам?

Вскоре рубеж высоты 67,0 был в наших руках. В сумерках просматривались трупы фашистов, искореженные противотанковые пушки и обгоревшая самоходка. Пленные и убитые оказались из 174-го пехотного полка 81-й пехотной дивизии. Вслед затем справа вышел на южный берег речки правофланговый батальон 86-го полка со 2-й танковой ротой. Слева, к юго-западу от Обжино, захватил южный берег 92-й стрелковый полк с 11-м танковым полком.

Наш полк потерял еще три танка подбитыми и несколько застрявшими. И все же в этот день полк достиг пусть скромного, но успеха. Это воодушевило и командование, и личный состав.

К концу суток мы вновь были у комдива. Генерал Степаненко сделал строгое внушение командирам 86-го и 92-го гвардейских стрелковых полков за отставание пехоты от танковых полков и слабое управление. Но особо запомнился разговор с представителем 6-й воздушной армии.

– Когда же будет работать штурмовая авиация?

– При высоте облаков хотя бы 1100 метров, – ответил подполковник. – Сегодня весь день она была не более 800 метров. Зато ночные бомбардировщики, как вы слышите, уже работают.

– Надо, чтобы вы противостоящих нам фашистов били, а не только пугали их тылы! – резко заметил генерал. – Выходит, и завтра вся надежда на артиллерию?

– С боеприпасами будет бедно, – доложил заместитель по артиллерии.

– К артиллерии у нас большие претензии, – доложил подполковник Ершов. – Артподготовка оказалась неэффективной. Большинство разрывов снарядов оказалось далеко от целей. Командиры дивизионов отстают от боевых порядков танков и пехоты, не видят их, не говоря уже о целях. Сегодня в интересах танков ни разу своевременно не был открыт огонь.

Возражения артиллеристов командир дивизии пресек:

– Командир 239-го танкового полка прав. Исправьте это.

Попытки развить наступление 24-го и 25-го декабря в направлении Софронково оказались безуспешными. Противник имел хорошо подготовленную позицию, для прорыва которой требовалась мощная артиллерийская и авиационная подготовка, а боеприпасами обеспечивались лишь короткие огневые налеты. К тому же пехота, начавшая наступление в значительном некомплекте, стала еще малочисленнее. В свою очередь, наш полк в эти дни потерял еще семь танков: сгоревшими – два, подбитыми – пять.

В ночь на 26-е декабря по решению комдива полк перегруппировал танки к левому флангу. С утра 26-го, совместно с введенным из второго эшелона дивизии 89-м гвардейским стрелковым полком, они атаковали противника к юго-востоку от высоты 67,0, навстречу 170-й стрелковой дивизии и к 14-ти часам овладели рощей южнее Обжино.

До 27-го декабря роту легких танков Т-70 самостоятельно в атаку мы не бросали. Танк Т-70 появился в 1942-м году на смену танка Т-60 и превосходил последний. Он был вооружен 45-миллиметровой пушкой вместо 20-миллиметровой на Т-60, имел усиленную броню передней части башни и корпуса и два вместо одного автомобильных двигателя³³. Однако его броню, хотя и усиленную, пробивали даже 37-миллиметровые противотанковые пушки противника на 500—600 метров, не говоря уже о пушках большего калибра.

И вот утром 27-го декабря командиру полка приказали использовать эту роту для самостоятельной атаки с малочисленными стрелковыми батальонами в направлении Здриного.

– Нельзя этого делать, они сгорят! – объяснил Иван Николаевич генералу Степаненко и полковнику Кукушкину.

– Вот Павел Афиногенович обещает надежно подавить противотанковые средства гитлеровцев и хорошо поддержать артиллерией, – успокаивал Кукушкин.

– Никто в дивизии еще не разведал эти средства. Кто же берется подавлять то, что не знает, где стоит?

Повинуясь приказу, командир полка направил роту и оставшиеся три средних танка в атаку.

Следуя рядом с танком командира роты, лейтенанта Ильи Петровича Кузьмина, видел, как при подходе танков к опорному пункту противника по ним открыли огонь несколько противотанковых орудий из ДЗОТов и окопов, в том числе калибра 75-миллиметров, и вышедшие из глубины два самоходных орудия. Где-то в течение пяти-семи минут вспыхнуло пять танков. Будучи начиненными бензином, они горели как свечи. При виде этой беды пехота сразу залегла, затем отошла в свои окопы. Участвовавшие в этой атаке три танка Т-34 уничтожили одно самоходное и одно полевое противотанковые орудия и разрушили один ДЗОТ. Удалось отвести два Т-70 и два поврежденных Т-34.

В этом бою пришлось вести огонь и мне. Заметив стрельбу пушек из ДЗОТов, произвел по одному из них три выстрела. Стрельба пушки из этого сооружения прекратилась. То же произошло со вторым ДЗОТом после двух выстрелов. Досталось и моему экипажу: снарядом противника был сорван с петель люк механика-водителя, а в результате второго попадания в лобовую часть башни внутри от ее стенок отлетели десятки раскаленных осколков, один из которых попал мне в правую надбровную дугу и застрял в верхней части глазной впадины. Экипаж наложил повязку, закрыв глаз. Правда, осколок находится в этом месте и по сей день.

Принятыми мерами из горящих танков была спасена половина состава экипажей.

К исходу 28-го декабря полк был выведен из боя, но мне пришлось задержаться для эвакуации подбитых и застрявших танков. А 29-го нелепый случай едва не закончился для меня бедой. Знакомый по последним боям командир одного из дивизионов 429-го гаубичного артполка напросился ознакомиться с вооружением танка.

– Командир танка отлучился, а мне некогда. Подождите командира, он вам покажет башню, – ответил я.

– Да я же артиллерист, разберусь.

– Ладно, – не без колебаний разрешил я. – Только не заряжать.

– Само собой, – ответил майор.

Находясь под стволом пушки, у люка механика-водителя, я по радио говорил с командиром одной из эвакогрупп. Когда снял шлемофон и стал возвращать его радисту, располагавшемуся в танке рядом с мехводителем, надо мной раздался выстрел из пушки, самовольно произведенный артиллеристом. Сразу оглох, из правого уха потекла кровь. Сутки не слышал левым и четверо – правым ухом, которое с того момента слышит слабо.

Вообще день 29-го декабря остался в памяти как один из черных дней. 30-го вечером, когда на одно ухо стал слышать, узнал, что накануне в районе деревни Горбы был смертельно ранен осколком снаряда начальник штаба полка капитан Контрибуций. Скромный, исполнительный, беспрдельно преданный службе, Виктор Мефодьевич навсегда остался в памяти.

Помощник начальника штаба по учету личного состава капитан Иван Георгиевич Кириллин рассказал:

– Утром вчерашнего дня Виктор с улыбкой говорил мне, что только что написал письмо жене и шестилетнему сыну и тут же сделал перевод; так что они, мол, сразу получают то и другое. Но разве думал он, что они получают еще и третье, самое ужасное – похоронку?

– Верно говорят, что последней умирает надежда, – коряво произнес я, борясь с душившими меня спазмами горла.

И другая тяжелая утрата постигла нас: погиб командир 170-й стрелковой дивизии полковник Степан Игнатьевич Ушаков, под командованием которого полк принял первый бой.

Кратко остановлюсь на третьем наступлении, имевшем место в начале января, в котором участвовал полк. Теперь удар в направлении Обжино, Савкино наносила 170-я стрелковая дивизия, причем, местность на этом направлении была еще более сложной и в большей степени покрыта лесом, чем к северу от речки Вязовки. Снежный покров уже достигал 50-60-ти сантиметров.

Дивизия усиливалась 60-й танковой бригадой (13 средних и легких танков), 239-м танковым полком (4 средних и 3 легких танка) и 11-м тяжелым танковым полком (6 тяжелых танков KB). На этот раз, командующий бронетанковыми и механизированными войсками (БТ и МВ) армии, теперь уже генерал-майор танковых войск Кукушкин пошел на более чем сомнительный эксперимент: танковые полки были подчинены командиру бригады. Поскольку все три части придавались на усиление стрелковым полкам, то подчинение полков бригаде лишь усложняло управление. Поэтому еще до прибытия к комдиву и комбриг, и командиры полков просили не объединять их, а передать танки из полков в бригаду, что упростило бы взаимодействие с пехотой и артиллерией. Однако генерал был неумолим.

(В начале декабря 1942-го года автобронетанковые войска были переименованы в бронетанковые и механизированные войска, введены должности командующего БТ и МВ РККА, командующих БТ и МВ фронтов, округов и общевойсковых армий, а также штабы и необходимые управления. Тогда же создано самостоятельное автотракторное управление в центре и соответствующие органы во фронтах, округах и армиях).

Командиром 170-й стрелковой дивизии теперь был уже знакомый по 126-й стрелковой бригаде полковник Федор Васильевич Карлов. 6-го января к нему прибыли все три танковых командира; с подполковником Ершовым был и я. Объявив решение, комдив сообщил, что начало наступления – с утра следующего дня. Это вызвало недоумение.

– Сегодня остается час светлого времени. Когда же готовить наступление, организовывать взаимодействие? – спрашивали командиры танковых частей.

– Мы будем готовы не ранее 9-го января! – решительно доложил командир бригады.

По просьбе комдива и командующего БТ и МВ командарм генерал-лейтенант Курочкин перенес наступление, но только на сутки. Естественно, подготовка наступления оказалась поверхностной. Наш полк и три танка КВ 11-го танкового полка были назначены на поддержку 422-го стрелкового полка.

8-го января 120 бойцов пехоты и десять танков трех марок после слабой артподготовки атаковали позиции гитлеровцев южнее высоты 67,0. В первой линии шли три танка КВ, во второй – наши средние и легкие. Подполковник Ершов располагался на НП стрелкового полка, а я следовал за танками. Вскоре тяжелые танки застряли и остались позади наших танков, а стрелки, пройдя 300 м, из-за сильного огня противника залегли и отстали; лишь через три часа они были подтянуты на линию танков. А за это время по два средних и легких танка были подбиты и один средний сгорел. Огонь противника ослабевал лишь в те моменты, когда бомбили артиллерию противника штурмовики Ил-2. Наступление на этом заглохло.

Справа 55-я стрелковая дивизия, являвшаяся наиболее укомплектованной, прорвала позицию противника в районе Софронкова и овладела Лешошкиным, но с утра 9-го января в результате сильной контратаки оставила эту деревню.

Декабрьское и январское наступательные бои привели к сужению Рамушевского коридора до 8—9 км на участках Радово, Лешошкино – на севере и Большое Князево, Цемена – на юге. Единственная дорога Демянской группировки оказалась под огнем артиллерии и с севера, и с юга. Это вынудило фашистское командование перебросить сюда хорошо укомплектованную 254-ю пехотную дивизию с ленинградского направления. И в январском бою ее подразделения уже оборонялись против нас.

Итак, в декабре и январе, как и в ноябре, полк вновь постигла неудача в выполнении боевых задач. Мы остро это переживали. Многие ошибки и промахи были следствием слабой выучки экипажей из маршевых рот: недостаточная тактическая слаженность, плохое ориентирование при нахождении в танках, слабые навыки в стрельбе и вождении. Однако в ноябре в атаку шли хорошо обученные экипажи, а результат был не лучше.

С другой стороны, упрекнуть экипажи и роты в целом в отсутствии упорства и отваги мы не имели оснований. Не выявилось ни одного случая трусости. Коммунисты были в большинстве экипажей, комсомольцы – во всех. И те, и другие личным примером увлекали остальных. На место павших и раненых шли в партию и комсомол новые люди. В сложных условиях лесисто-болотистой местности и снежной зимы они отважно направляли танки на врага, били его, горели и многие гибли.

Стремление отдать все для победы проявилось и в патриотическом движении по внесению личных сбережений на строительство танковых колонн. Только командно-начальствующий состав в январе 1943-го года внес на эти цели около 20-ти тысяч рублей.

– Все это, Обатурыч, чистая правда! – подтвердил командир полка при обдумывании итогов. – Но следует добавить к этому вот еще что: ограниченный по составу танкоремонтный взвод с эвакуацией только с 1-го по 24-е января эвакуировал 19 подбитых и застрявших танков и отремонтировал 14. Это ли не подвиг!

Но бои-то были общевойсковые, поэтому не все зависело от танкистов. Об этом немало сказано уже выше. Плохо поставленная разведка целей и, связанная с этим практика ведения артиллерийского и минометного огня по площадям; прерывность поддержки атаки танков и пехоты; применение штурмовиков Ил-2 не для штурмовых действий, а бомбардировок со средних высот; слабое управление пехотой; поспешный ввод полка в бой – не зависели от него.

К таким выводам пришли, готовясь к совещанию у командующего армией, состоявшемуся в конце января 1943-го года. В нем участвовали командование стрелковых и артиллерийских дивизий и бригад, танковых бригад и полков и командиры отдельных танковых батальонов. Из полка нас было четверо.

Перед совещанием мы были представлены новому командующему БТ и МВ армии подполковнику Ивану Васильевичу Пшеницкому. Генерал Кукушкин убыл на должность командира танкового корпуса и, к несчастью, вскоре, в апреле того же года, погиб в бою.

Совещание вел командующий армией генерал-лейтенант Павел Алексеевич Курочкин. Мы слышали и видели его впервые, хотя, как я считал, вспоминая генерала Лизюкова, командарм обязан доходить до полков. Вместе с тем, культура речи, точность и ясность формулировок произвела на меня немалое впечатление.

Командарм не возложил срыв выполнения задач на тот или иной род войск, но первые выступавшие основную ответственность перекладывали на танкистов, что вызвало отрицательные возгласы некоторых командиров-танкистов. В последующем ряд ораторов не согласились с таким мнением. Но главный «удар» обрушился на артиллеристов и отчасти – на авиаторов. Несколько позже выступили командиры танковых частей, причем подполковник Ершов за основу взял наши выводы.

– В неудачах виновны все рода войск, в том числе и мы, танкисты. Но вот картина, повторяющаяся из боя в бой: танки и пехота пошли в атаку вместе, но вскоре стрелки залегли. На немалом удалении танки остановились в ожидании пехоты; ждут, а она не подходит. Будучи без прикрытия, начинают гореть, затем оставшиеся отходят. Корень этого явления в том, что противник огнем артиллерии и ударами авиации не подавлен, ДЗОТы не разрушены, система огня его не нарушена, а артиллерийская поддержка слабая. Как же пройдут пехота, да и танки? И еще: вытащите командиров стрелковых батальонов из блиндажей, ведь они не видят ни противника, ни свои роты и не управляют ими.

Он поддержал предположение о постоянном закреплении за танковыми частями по одному стрелковому батальону.

– Такой пехотой будем управлять мы, и она нас не подведет! – эмоционально закончил он.

В своем заключении генерал Курочкин в частности сказал:

– Обмен мнениями о причинах неудач – урок для всех и в первую очередь для общевойсковых и артиллерийских командиров. И хотя не все зависит от армейского командования, впредь на подготовку прорыва отводить время столько, сколько требуется. Будем просить вышестоящее командование о выделении на операции достаточного количества боеприпасов.

С совещания возвращались мы с надеждой на перемены.

Неосуществленный замысел

По прочтении очередной сводки Совинформбюро, записанной при прослушивании радио, подполковник Коллеров проговорил:

– Хорошо наступают южные фронты. Вот уже на подступах к Ростову взяты города Шахты, Батайск, Азов. Молодцы!

– Но и силы у них, наверное, не те, что у нас, к тому же – бескрайняя степь, – заметил я.

Тут вступил в разговор новый начальник штаба полка капитан Василий Михайлович Бескоровайный, являвшийся до назначения на эту должность заместителем начальника штаба.

– Позавчера начальник разведки штаба БТ и МВ армии при ознакомлении нас – начальников штабов танковых частей с группировкой фашистских войск перед Северо-Западным фронтом, подчеркнул, что гитлеровское командование, с начала контрнаступления под Сталинградом и по настоящее время, не смогло снять и перебросить на юг ни одной дивизии из противостоящих нашему фронту. Более того, наступательные действия фронта заставили противника перебросить для восполнения потерь Демянской группировки из-под Ленинграда и Волхова три дивизии. Это облегчило прорыв блокады Ленинграда. Выходит и мы – молодцы!

– Это меня не утешает: ведь мы топчемся на месте, – сказал командир полка.

Победа на юге радовала и побуждала к действиям. И нам хотелось, наконец, добиться успехов. Поэтому получение полком новой боевой задачи вызвало воодушевление. Она определялась приказом командира 370-й стрелковой дивизии, которой полк придавался.

Дивизия должна была на правом фланге одним стрелковым полком обороняться, а двумя полками прорвать оборону противника южнее ручья Обьежжего, разгромить противника в районе Симоново, Росино и овладеть высотами западнее этих населенных пунктов.

Нашему полку, назначенному на поддержку 1234-го стрелкового полка, который наносил удар севернее высоты 59,5 на Росино, приказом предписывалось подавить живую силу и огневые средства противника на переднем крае и, прорвав его совместно с пехотой, вторым эшелоном с десантом автоматчиков стремительно выдвинуться вперед, овладеть Росино и удержать его до подхода стрелкового полка. С этой целью полк усиливался ротой автоматчиков, а для поддержки огнем с закрытых огневых позиций назначался один артиллерийский дивизион.

(В начале февраля, при переаттестовании политсостава старшему батальонному комиссару Коллерову было присвоено звание «подполковник»).

После прочтения приказа я сказал командиру полка:

– Учтены, наконец, наши просьбы о размещении десанта на танках второго эшелона и выделении артиллерии. Замысел оригинальный, но все главное за вас решено: и построение боевого порядка, и способ действий.

– Да, некоторые из наших предложений поняты. Жаль, что вверху решают то, что следует решать нам, и тут, считай, просматривается стиль подполковника Пшенецкого. – И, поразмыслив, добавил: – Но никакая оригинальность не даст успеха, если артиллерия и авиация не проложат танкам и пехоте путь!

Это было 7-го февраля 1943-го года. Тотчас командир, заместитель по политчасти, начальник штаба и я направились на КП дивизии. Вследствие больших снегопадов глубина снежного покрова достигла в среднем 70-ти сантиметров. Образовавшиеся в ходе расчистки по сторонам дорог снежные валы создавали впечатление, что движемся по широким траншеям, из которых, даже находясь в башне броневомобиля, не были видны значительные по ширине участки местности.

В полдень на КП дивизии мы нанесли на карты: данные о противнике, боевые задачи свои и соседей. Справа – 1232-й стрелковый полк с 3-м гвардейским, тяжелым танковым полком

имел задачу захватить Симонове. А слева – 26-я стрелковая дивизия с 56-м танковым полком наносила удар севернее Сорокине на Большое Степанове

Местность по материалам карты и при беглом взгляде на нее выглядела достаточно открытой, с небольшими рощами и редкими кустарниками, но наличием оврагов и заболоченных впадин.

– Это – наиболее доступное для танков направление, – говорил командир 3-го танкового полка. – Мы здесь наступали в ноябре 1942-го года с 43-й гвардейской Латышской стрелковой дивизией. Уже тогда были оборудованы батальонные районы обороны в две линии со сплошными траншеями по переднему краю и ближайшей глубине.

– Ясно, что противник обороне такого направления уделяет особое внимание, – согласился с ним подполковник Ершов.

И действительно в полосе наступления двух полков 370-й дивизии в обороне значилось до половины 290-й пехотной дивизии гитлеровцев. На сей раз на наших картах было больше сведений о противотанковых средствах, других огневых точках и артиллерии противника, чем при подготовке к предыдущим боям.

Вслед затем с вызванными командирами начал работу на картах командир дивизии генерал-майор Евгений Михайлович Андреев. Он приближался уже к пятидесятилетнему возрасту, однако был еще достаточно энергичен, четко и спокойно распоряжался. Вначале он сказал:

– Целью готовящегося наступления, как и прежде, является перерезать Рамушевский коридор и отсечь фашистские войска на плацдарме. Навстречу нам из района Залучье наносит удар 53-я армия. Посмотрите на карту: единственная дорога из Старой Руссы на Демянск идет сразу за рекой Пола, через Уполозы, Корпово. Стоит нам выйти к реке, как Демянская группировка лишится этого пути.

После такого радужного вступления, он коснулся двухэшелонного построения танковых полков:

– Командарм в данном случае согласился с предложением армейских танкистов. Посадка десантов на танки первой линии себя не оправдала. Теперь имеется в виду использовать ослабление огня после захвата танками и пехотой первых опорных пунктов для быстрого броска вперед второго танкового эшелона с десантом и захвата Симонова и Росина. Что, по-вашему, для успеха этого нужно?

– Нужно то, что до сих пор не удавалось, – ответил подполковник Ершов. – Опорные пункты до села Росино включительно в ходе артиллерийской и авиационной подготовки надежно подавить, противотанковую артиллерию – уничтожить, а поддержку броска огнем сделать непрерывной.

Так снова вопросы артиллерийского и авиационного наступления заняли в организации взаимодействия главное место. К тому же вскоре поступили сведения о том, что в районе Симоново, Уполозы, Большое Степаново, во втором эшелоне, расположилась в обороне частью сил 225-я пехотная дивизия.

– Можно не сомневаться, что подготовка к наступлению, к тому же на одном и том же направлении, фашистами обнаружена. А каково, Василий Михайлович, соотношение сил в полосе наступления дивизии? – спросил начальника штаба командир полка.

– Штаб дивизии его считает: по пехоте – 1,1:1, по артиллерии – 3:1, по танкам и самоходкам – 2:1 в нашу пользу. Это без учета 225-й пехотной дивизии, – доложил Бескоровайный.

– Артиллерии в дивизии с приданным гаубичным артполком – шесть дивизионов. А для подавления восемнадцати взводных опорных пунктов в ходе артподготовки требуется девять дивизионов. Да еще что-то надо дать обороняющемуся полку, – сказал я. – Артиллерии явно не хватает.

– С таким незначительным превосходством даже обычную оборону не прорвешь, не говоря уже о такой крепкой, как перед нами, – заключил подполковник Ершов.

(Артиллерийское и авиационное наступление по своей сути заключались в надежной подготовке атаки огнем и в непрерывной поддержке пехоты и танков артиллерийским огнем и ударами авиации на всю глубину наступления. Они впервые были применены в контрнаступлении под Сталинградом).

Беспокойство за надежность огневого поражения первыми высказали комдивы командиров стрелковых полков; их поддержали командиры танковых полков.

– Что же, недостаток артиллерии восполним за счет увеличения продолжительности арт-подготовки. Сейчас она установлена – один час 15 минут. Будем просить увеличить, – подумав, ответил генерал Андреев.

– Но с боеприпасами может быть осложнение, – включился в разговор командующий артиллерией дивизии. – Если начало наступления не будет отнесено дальше, то не только добавочные боеприпасы, но и те, что назначены, не успеем подвезти. Дорога-то одна на полторы армии и она забита.

(Приказом НКО №62 от 8-го января 1943-го года должности заместителей командиров дивизий по артиллерии были переименованы; они стали называться командующими артиллерией).

Да, мы знали эту дорогу от станции Крестцы, по которой полк совершал марш, и волновала она нас повседневно. Только благодаря исключительной энергии и организованности такого человека, как капитан Африн, умевшего виртуозно протаскивать по ней колонну автомашин тыла, полк всегда вовремя обеспечивался всем необходимым.

Впервые полк получил время пять суток, достаточное и для подготовки, и для совместного боевого слаживания. Уже 9-го февраля была проведена детальная организация взаимодействия в полковом звене.

В соответствии с решением командира 1234-го стрелкового полка майора Шаталова, включившего в первый эшелон 1-й и 2-й стрелковые батальоны, подполковник Ершов назначил на поддержку атаки соответственно 2-ю и 1-ю танковые роты, строившиеся каждая в два эшелона.

– Обгонят ли танки второго эшелона первый эшелон по такому глубокому снегу? Двигаться они могут лишь на второй передаче, со скоростью не более 8—9 километров в час, – поставил вопрос командир 1-й танковой роты.

– Да, скорость упадет сильно, – ответил подполковник Ершов. – Но и пехота пойдет за танками со скоростью порядка 2 километра в час, а танкам придется ее ждать. Эти паузы позволят второму эшелону танков обогнать первый.

И по просьбе нашего командира полка майор Шаталов и командир артиллерийской группы согласились спланировать огонь артиллерии при поддержке атаки, исходя из темпа два километра в час, а не три, как намечалось первоначально.

На этот раз авиаторы без возражений запланировали штурмовые действия самолетов Ил-2 и предусмотрели при поддержке атаки поражение целей реактивными снарядами и пушечным огнем в опорных пунктах третьей линии и других важных целей, удаленных от наступающих на 600—1000 метров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.